

МОРФОЛОГИЯ КОТТСКОГО ГЛАГОЛА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАЕНИСЕЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Введение.

Данная статья представляет собой слегка переработанный и дополненный вариант статьи "Реконструкция праенисейской глагольной системы", опубликованной в первом номере "Московского лингвистического журнала" (М., изд. Российского государственного гуманитарного университета, 1995). Поскольку материал, помещенный в этой статье, существенным образом зависит от описания кетской глагольной системы, предложенной нами совместно с К. Ю. Решетниковым, представляется удобным опубликовать ее также и в данном сборнике, дополнив, однако, таким существенным элементом, как формальное описание структуры коттского глагола, поместить которое в рамках журнала было практически невозможно. Помимо этого, в данном варианте работы содержится некоторое количество уточнений и модификаций к первоначальному варианту предложенной нами реконструкции.

Нам не представляется возможным возводить кетское глагольное состояние к праенисейскому. Чрезвычайное разнообразие парадигм, многочисленные фонетические изменения, приведшие к кардинальной перестройке многих морфологических черт, наконец, явные противоречия между кетской, с одной стороны, и арино-коттской, с другой, системами — все это свидетельствует о том, что нынешнее состояние кетского глагола представляет собой серьезную модификацию праенисейской системы с рядом существенных инноваций. Таким образом, глагольную систему праенисейского языка оказывается необходимым реконструировать.

Как известно, существуют два основных метода реконструкции: внутренняя и внешняя реконструкция. Как для первой, так и для второй требуется выполнение некоторых условий. Для внутренней реконструкции необходимым условием является наличие определенного числа архаизмов и нерегулярностей, на основании которых условно восстанавливаются более ранние формы. Для внешней необходимым условием является наличие хотя бы двух более или менее

близкородственных языков, доступных для сравнения.

Кетский язык удовлетворяет обоим требованиям. Обилие нерегулярных парадигм, диалектная раздробленность, наличие нескольких близкородственных языков — все эти условия выполняются. Тем не менее, даже при их наличии мы сталкиваемся с некоторыми весьма серьезными затруднениями.

Прежде всего необходимо заметить, что морфологическая система какого-либо праязыка в принципе гораздо хуже поддается реконструкции, чем его фонологическая (фонетическая) система. В то время как фонетические изменения подчиняются жестким законам, морфологические изменения, как правило, происходят спорадически и абсолютно непредсказуемы. Система морфологических оппозиций в стандартном случае меняется гораздо чаще и в гораздо больших масштабах, чем система фонологических оппозиций. Поэтому мы часто наблюдаем такое явление, как абсолютная несхожесть морфологических систем при четких фонетических соответствиях.

Следовательно, любая реконструкция морфологической системы также должна опираться прежде всего на фонетику. Прежде всего необходимо как можно более полно реконструировать праязыковой набор грамматических морфем, основываясь на межъязыковых соответствиях. Далее фонетическая часть кончается, и приходится опираться на разные факторы, включая лингвистическую типологию, статистический анализ тех или иных форм, и, наконец, элементарную логику. При этом, по-видимому, реконструировать морфологическую систему в любом случае можно лишь приблизительно.

Внутренняя реконструкция при подобном подходе может и даже должна служить некоторым подспорьем, но ни в коем случае не может рассматриваться как основной источник реконструкции. Никакие результаты внутренней реконструкции не могут считаться окончательными, если они не подтверждены внешними данными; в противном случае их практически всегда можно оспорить. В этом и заключается основная ошибка тех исследователей, которые, в частности, довольно много сил посвятили сравнению кетского с другими языками мира, прежде всего, кавказскими, при этом многие из их замечаний (особенно А. П. Дульзона, см. Дульзон 1968: 584-609) по этому поводу весьма интересны и заслуживают внимания. Однако тот же А. П. Дульзон в своих сравнениях "проскакивал" через праенисейскую стадию развития языка, обходя чрезвычайно важные факты, пред-

ставленные коттским и другими материалами.

Основная цель данной работы — как можно более надежная реконструкция глагольной системы праенисейского языка. Некоторые подробности касательно предыдущих опытов в этой области, а также основных источников материала будут приведены во второй части статьи, посвященной собственно реконструкции. Что касается первой части статьи, то она будет посвящена описанию морфологии глагола коттского языка, без которой подобная реконструкция в принципе невозможна.

1. Морфология коттского глагола.

1.1. Коттский язык, вымерший в середине XIX века, известен нам исключительно по записям М. А. Кастрена (Кастрен 1858), составившего словарь и краткую грамматику этого языка. Уникальность его заключается в том, что это единственный из мертвых енисейских языков (не считая сымского, близкого кетскому), грамматика которого нам более или менее известна. Тем не менее, несмотря на довольно значительное количество парадигм и форм, записанных Кастреном, он все же скорее занимался чисто собиранием данных, нежели их анализом, в результате чего в грамматике коттского языка до сих пор было много белых пятен и неясностей.

Имеющийся коттский материал был еще раз собран и обобщен Г. К. Вернером в книге "Коттский язык" (Вернер 1990). Здесь уже, несомненно, присутствуют некоторые попытки проанализировать коттские данные как с синхронной, так и с исторической точки зрения. С одной стороны, автор систематизировал собранные М. А. Кастреном парадигмы, расклассифицировав их по нескольким крупным словообразовательным типам и выделив некоторое количество грамматических морфем. С другой стороны, Г. К. Вернером была проведена и некоторая диахроническая работа, в основном сводившаяся к сравнению кетских и коттских особенностей, но также и с определенным уклоном в сторону восстановления праенисейского состояния; так, в книге предпринята попытка реконструировать праенисейскую систему именного склонения. Однако, что касается анализа глагольной системы, то здесь Г. К. Вернер, очевидно, с самого начала испытывает сильное влияние Е. А. Крейновича, пытаясь приложить его описание кетского языка к коттскому, что, как правило, в большой степени не-

адекватно описываемому материалу. Так, Г. К. Вернер вслед за Е. А. Крейновичем выделяет в коттском языке личные показатели группы Б и группы Д (Вернер 1990: 107), несмотря на то, что, во-первых, никаких точных соответствий между этими двумя группами в принципе установить невозможно и принцип подобного разделения совершенно неясен, во-вторых, среди коттских личных показателей нет ни одного показателя, включавшего бы фонемы b- или d-. Такая попытка приложить описание кетской глагольной системы к коттскому языку выглядит тем более странно, что само описание Е. А. Крейновича, как мы совместно с К. Ю. Решетниковым попытались показать в нашей работе о кетском глаголе, также недостаточно удовлетворительно (см. Вернер 1990: 106-111).

Таким образом, несмотря на несомненную ценность наблюдений Г. К. Вернера, мы вынуждены признать незавершенность его работы и ошибочность некоторых ее положений, что автоматически делает необходимым дать еще одно более или менее полное описание коттской глагольной системы с соответствующими модификациями.

Несколько слов, по-видимому, также необходимо сказать относительно качества записи, приводимой в книге Кастрена и соответственно Г. К. Вернера. В общем оно представляется удовлетворительным; однако большие затруднения вызывают случаи редукции, когда в записи могут быть неправильно даны гласные фонемы. Еще хуже обстоит дело с отмечиванием долготы гласного; по всей видимости, она ставилась более или менее произвольно; если же учесть также различные комбинаторные изменения долгих гласных (вроде диссимиляции двух долгих, тоже, кстати, отмечающейся нерегулярно), то разобраться как следует в противопоставлении долгих и кратких гласных получается практически невозможно. Поэтому долгота в большинстве случаев нами просто игнорируется.

Что касается консонантизма, то здесь проблем практически не возникает. Подробнее о фонемном инвентаре коттского языка см. Кастрен 1858: 1-14, Вернер 1990: 12-45.

1.2. В отличие от кетской системы, мы выделяем в коттском два основных ряда личных показателей, которые мы будем называть соответственно субъектным и объектным (можно было бы называть их агентивными и объективными рядами, но, поскольку соответствия между ними, с одной стороны, и кетским агентивом и объективом, с

другой, довольно нетривиальны, мы предпочитаем этого не делать во избежание путаницы).

Приведем список морфем, стандартно употребляющихся для выражения субъектно-объектных отношений:

| | Субъект | Объект |
|--------|---------|--------|
| 1 Sg | -aŋ | -aŋ- |
| 2 Sg | -u | -u- |
| 3 Sg m | -0 | -a- |
| 3 Sg f | -0 | -i- |
| 3 Sg n | -- | b-/-p- |
| 1 Pl | -toŋ | -oŋ- |
| 2 Pl | -oŋ | -oŋ- |
| 3 Pl | -0 | -aŋ- |

В первом лице нередуцированный вариант -aŋ встречается довольно редко, в основном в позициях, где гласный -a- не может быть подвержен редукции; в прочих позициях он редуцируется до -ŋ.

До настоящего времени считалось также, что в третьем л. ед. ч. sporadически встречается показатель -x (прежде всего после корней с вокалическим исходом). Так, приводя парадигму глагола умирать (корень ха), Г. К. Вернер записывает форму третьего л. в виде \acute{d} -аха-х 'он умирает' (Вернер 1990: 135). Между тем, в личных записях М. А. Кастрена, как было указано нам К. Ю. Решетниковым, получившим к ним доступ, эта форма отсутствует; вместо нее записана регулярная форма \acute{d} -а-ха с нулевым окончанием.

Дело, по-видимому, заключается в том, что, поскольку за основную форму коттского глагола М. А. Кастреном и его издателем А. Шифнером принималась форма первого лица ед. ч., глагол ха 'умирать', соответствующая форма от которого выглядит как \acute{d} -а-ха-ŋ-aŋ (-ŋ- в данном случае является соединительной морфемой), и некоторые другие были помещены в один класс с глаголами, корень которых имеет реальный исход на -j, чередующийся в позиции ауслаута с -x (Кастрен 1858: 117-118). В результате фонема -x стала восприниматься исследователями как самостоятельный формант третьего лица, хотя на самом деле этот формант — не более чем фикция.

Судя по нескольким словоформам, приводимым в записях М. А. Кастрена, в объектный ряд также попадает возвратный показатель -a-

(ср. *hamaʔ-a-thākŋ* 'я люблю себя', но *hamaʔ-a-n-thākŋ* 'ты любишь меня').

Позиция обоих рядов в словоформе строго определена: показатели субъекта всегда суффицируются, в то время как показатели объекта всегда находятся внутри словоформы, как правило, между двумя корнями (за исключением показателя *b-*, регулярно встречающегося в одноосновных глаголах и потому практически всегда стоящего в начале словоформы).

На совместную встречаемость обоих рядов показателей накладываются некоторые статистические ограничения. Любопытно, что субъектно-объектные конструкции в основном встречаются среди сложных глаголов, в то время как субъектно-объектная конструкция с показателем *b-*, наоборот, встречается преимущественно в простых глаголах.

Вообще следует отметить, что коттскому языку присуще довольно sporadическое выражение объекта внутри глагола. То, что практически немислимо в кетском, а именно, незаполнение второй валентности переходного глагола, в коттском в общем нормально, т. е. глагол, переходный в семантическом отношении, в коттском может выглядеть как формально непереходный.

Большинство сложных глаголов, в которых конкретно не выражен объект, оформляются специальным показателем *-th-*, который Г. К. Вернер называет показателем каузатива (Вернер 1990: 118). Глаголы, в которых он присутствует, можно разделить на три группы:

- 1) непереходные (*ašpō-th-ākŋ* 'я бодрствую', *anaŋai-th-ākŋ* 'думаю');
- 2) переходные с невыраженным объектом (*hapi-th-ākŋ* 'я покупаю', *karei-th-ākŋ* 'я смотрю');
- 3) переходные с выраженным объектом (*hamaʔ-a-th-ākŋ* 'я люблю его').

Интересно, что большинство глаголов группы 2 в семантическом плане в кетском языке должны были бы иметь парадигму с показателем класса вещей *-b-*, проходящим по всем формам, типа *d-a-b-dop* 'я-это-пью', поскольку сочетание с одушевленными объектами в этих случаях вряд ли возможно (глаголы типа 'копать', 'покупать', 'читать', 'рубить', etc.).

Относительно функции этого показателя нам приходится признать, что он, скорее, является показателем направленности действия на объект. В этом случае становится ясным, почему в глаголах группы

2 объект не выражается: это было бы плеоназмом. Что касается непереходных глаголов с показателем *-th-*, то их также приходится формально признать "квази-переходными" (проще всего с глаголом "думать" — "я-думаю-это", т. е. действие направлено либо на мысли, либо на референты этих мыслей).

Еще одно интересное наблюдение заключается в том, что в глаголе, содержащем преверб (подробнее о превербах см. ниже), пусть даже и переходном, валентность на объект, в случае, если последний не представлен конкретным одушевленным лицом, не заполняется ничем. В противном случае между превербом и корнем вставляются аффиксы объекта. Ср. *aṣṭhātajaṇ* 'я бью' и *aṣṭhātajaṇ* 'я его бью'.

Это может свидетельствовать о двух вещах: либо о том, что превербные глаголы являются формально непереходными, либо о некоторой близости их с показателем *-th-*, т. е. они как бы выполняют одну и ту же функцию, обозначая направленность действия на объект.

Таким образом, мы можем классифицировать коттские субъектные и субъектно-объектные глаголы следующим образом:

I. Формально непереходные простые и сложные глаголы, имеющие только показатели субъекта: *hatagāk-ṇ* 'я греюсь', *āṣi-aṇ* 'я утешаю'.

II. Формально переходные сложные глаголы, маркированные (каузативным?) показателем *-th-*: *hatak-th-ākṇ* 'я грею', *ēn-th-ākṇ* 'я копаю'. Формально переходные простые глаголы встречаются реже (так, в книге Г. К. Вернера они практически не приводятся); однако не исключено, что их парадигмы просто не были записаны М. А. Кастреном.

III. Формально непереходные глаголы с превербом, возможно, маркирующим направленность действия (в таком случае не исключено, что эти глаголы нужно будет считать формально переходными): *f-ōtekṇ* 'я стреляю', *d-ōthiaṇ* 'я хлещу'.

IV. Формально переходные сложные глаголы, оформленные сочетанием объектного показателя и морфемы *-th-*: *ṣam-ā-thākṇ* 'я его порицаю', *haṇ-ā-thākṇ* 'я его прошу'.

V. Формально-переходные простые глаголы, оформленные сочетанием показателя субъекта и показателем неодушевленного объекта *b-*: *b-arijaṇ* 'я тяну', *b-akitaṇ* 'я тру'.

Наконец, представляется необходимым выделить еще один, шестой тип подобных глаголов, представленных глаголом 'забывать' и

несколькими опгативными глаголами. Эти глаголы не имеют субъектных показателей, но аффицируют внутрь основы показатели объекта. Ср. *ɬar-aŋ-ai* 'я хочу пить'.

Приведем по примеру парадигмы из типов I, IV и VI (типы II, III и V спрягаются в общем аналогично типу I).

1)

| | | | |
|------------------|------------------|-----------------------|---------------|
| <i>hatagāk-ŋ</i> | 'я греюсь' | <i>hatagāg-an-toŋ</i> | 'мы греемся' |
| <i>hatagāk-u</i> | 'ты греешься' | <i>hatagāg-an-oŋ</i> | 'вы греетесь' |
| <i>hatagāk</i> | 'он/она греется' | <i>hatagāg-an</i> | 'они греются' |

Претерит: *hatagolōk-ŋ*, *hatagolōk-u*, etc.

Императив: *hatagālček*.

2)

| | |
|-----------------------------|------------------------|
| <i>hama?-a-th-āk-ŋ</i> | 'я люблю себя' |
| <i>hama?-an-th-āk-u</i> | 'ты любишь меня' |
| <i>hama?-an-th-āk</i> | 'он/она любит меня' |
| <i>hama?-an-th-āk-an-oŋ</i> | 'вы любите меня' |
| <i>hama?-an-th-āk-an</i> | 'они любят меня' |
| <i>hama?-u-th-āk-ŋ</i> | 'я люблю тебя' |
| <i>hama?-a-th-āk-u</i> | 'ты любишь себя' |
| <i>hama?-u-th-āk</i> | 'он/она любит тебя' |
| <i>hama?-u-th-āk-an-toŋ</i> | 'мы любим тебя' |
| <i>hama?-u-th-āk-an</i> | 'они любят тебя', etc. |

Претерит: *hama?-a-th-olōk-ŋ*, etc.

Императив: *hama?-a-th-ālček*.

3)

| | | | |
|-------------------|----------------|-------------------|--------------|
| <i>ēn-eŋ-aiše</i> | 'я забываю' | <i>ēn-uŋ-uiše</i> | 'я забыл' |
| <i>ēn-u-aiše</i> | 'ты забываешь' | <i>ēn-u?-uiše</i> | 'ты забыл' |
| <i>ēn-a?-aiše</i> | 'он забывает' | <i>ēn-a-uiše</i> | 'он забыл' |
| <i>eŋ-oŋ-aiše</i> | 'мы забываем' | <i>eŋ-oŋ-uiše</i> | 'мы забыли' |
| <i>eŋ-oŋ-aiše</i> | 'вы забываете' | <i>eŋ-oŋ-uiše</i> | 'вы забыли' |
| <i>eŋ-aŋ-aiše</i> | 'они забывают' | <i>eŋ-aŋ-uiše</i> | 'они забыли' |

Императив: *eŋuaiše*.

Поскольку глагол 'забывать' является бесубъектным, в нем, естественно, не выражается отдельно категория числа.

1.3. Перечисленные нами шесть типов глаголов покрывают собой абсолютное большинство парадигм коттских глаголов (по крайней мере, засвидетельствованных). Тем не менее, они отнюдь не являются единственными. Представляется необходимым выделять еще как минимум два типа формально переходных глаголов.

В первом из них позиция объекта заполняется всего двумя показателями: показателем класса вещей *b-* и соответствующим ему показателем "всех остальных классов" *ǀ-*. Позиция же субъекта заполняется лишь в том случае, когда в форме имеется показатель *ǀ-*. Ср. *b-ari* 'это созревает', но *ǀ-arijaŋ* 'я созреваю'.

На противопоставление в подобных парадигмах показателей *ǀ-* и *b-* впервые обратил внимание Г. К. Вернер (Вернер 1990: 134). Наблюдение его, однако, основывалось на едва ли не единственной парадигме (*bari* — *ǀarijaŋ*) и поэтому могло бы быть оспорено. Тем не менее, мы предпочитаем считать данное противопоставление основным, наблюдающимся в данном типе, исходя как из некоторых внутренних языковых соображений, так и из сопоставления подобных парадигм с кетскими данными.

Пример (глагол 'умирать'):

| | | | |
|-----------------|------------------|----------------|-----------|
| <i>ǀ-axajaŋ</i> | 'я умираю' | <i>opxajaŋ</i> | 'я умер' |
| <i>ǀ-axau</i> | 'ты умираешь' | <i>opxau</i> | 'ты умер' |
| <i>ǀ-axa</i> | 'он/она умирает' | <i>opxax</i> | 'он умер' |

Как можно заметить, показатель *ǀ-* в претерите выпадает (в отличие от *b-* — ср. *mapari* < **banari* 'это созрело').

Ничто не мешает нам также искусственно сконструировать в этой парадигме форму **baxa* (прет. **banoxa*) 'это умерло'.

Большинство глаголов, спрягающихся по этому типу, обозначают какие-либо состояния: 'жить', 'расти', 'плыть', 'гнить', 'стоять', 'умирать'. Имеются, однако, и другие варианты: 'сказать', 'лаять', 'тремечь', 'войти', etc.

Если предположить, что последние из перечисленных глаголов начали спрягаться по этому типу позднее, то с семантической точки зрения этот тип (назовем его тип VII), вероятно, означает произ-

вольное совершение действия над самим собой, в противоположность типу VIII.

Существует также небольшой подтип типа VII, представленный всего лишь двумя-тремя глаголами (назовем его тип VIIa). Основной его особенностью является то, что во множественном числе глаголы этого типа, помимо выражения субъекта и отдельно — множественного числа, имеют еще один встроенный элемент (как правило -aŋ), располагающийся между корнем и показателем числа. Ср. \acute{d} -ačēn-aŋ 'я плачу', но \acute{d} -ačēn-aŋ-an-toŋ 'мы плачем'.

Последний из регулярных типов коттских глаголов — рефлексивные парадигмы. В них присутствует еще один набор личных показателей, отличающийся как от стандартного объективного ряда, так и от ряда \acute{d} — b.

- 1-е л. ед. ч.: i-
- 2-е л. ед. ч.: i-
- 3-е л. ед. ч.: \acute{d} -
- 1-е л. мн. ч.: oŋ-
- 2-е л. мн. ч.: oŋ-
- 3-е л. мн. ч.: \acute{d} -

Как и следовало ожидать, морфема \acute{d} - в претерите исчезает.

По этому, восьмому типу спрягается около десятка парадигм. Однако, к сожалению, следует отметить, что анализ большинства из них вызывает довольно серьезные затруднения. Так, не всегда ясно, сколько раз в глаголе выражено число (стандартно — три раза, в субъекте, объекте и независимо, но иногда, по-видимому, независимо число не выражается); не всегда можно выделить корень (не исключена возможность супплетивизма в тех или иных парадигмах); довольно часто между начальным показателем объекта и корнем встречается непонятный элемент -g- (возможно, являющийся превербом), и т. д. Приведем пример одной из самых ясных парадигм:

| | |
|---------------------|--------------------|
| i-g-ej-aŋ | 'я рождаюсь' |
| i-g-ej-u | 'ты рождаешься' |
| \acute{d} -ā-g-ei | 'он/она рождается' |
| oŋ-ej-an-toŋ | 'мы рожаемся' |
| oŋ-ej-an-oŋ | 'вы рождаетесь' |
| \acute{d} -ā-ŋ-ei | 'они рождаются' |

Претерит: an-i-g-ej-aŋ, etc.

Императив: an-i-g-ei.

Элемент -g- в этой парадигме можно с первого взгляда принять за часть корня. Однако, если сравнить эту парадигму с парадигмой глагола 'сидеть' — īgranaŋ 'я сижу', īgrani 'ты сидишь', etc. — становится очевидным, что -g- не принадлежит корню, поскольку в этом глаголе явно выделяется корень ran (ср. кетское hǎŋ 'сидеть'). Такой же элемент выделяется и в некоторых других формах, при этом не всегда и не регулярно. Ср. īnaŋ 'я иду', но aligīnaŋ 'я шел'.

Тем не менее, несмотря на все затруднения, основные принципы построения словоформы глагола VIII типа в общем ясны: префигирование показателей кореферентного объекта, суффигирование показателей субъекта и вставка между корнем и субъектом плеонастического выражения мн. ч.

Заметим также, что, в отличие от стандартных показателей объекта, показатели кореферентного объекта стоят не перед показателем претерита, а после него.

Существует также подтип VIIa, соответствующий подтипу VIIa и представленный одним глаголом 'лечь', где во мн. ч. также суффигирован элемент -aŋ (ср. ontēnaŋantōŋ 'мы ляжем', где значение числа выражено четыре (!) раза).

Данные восемь типов и два подтипа покрывают практически всю массу коттских парадигм (во всяком случае, засвидетельствованных).

1.4. В коттском языке существуют четыре основных способа выражения значения прошедшего времени, при помощи соответственно аффиксов -l-, -n-, -g- и -j- (в порядке убывания частотности). Несколько, порядка пяти-шести случаев, где не присутствует ни один из вышеуказанных показателей, мы не станем принимать во внимание (возможны различные фонетические колебания, неточность записей, etc.).

Внутри этих четырех типов также возможны различные подтипы (с дополнительной вокализацией, чередованиями гласных и т. д.), которые, однако, мы разберем немного позже, в связи с маркированием спряжений.

Показатели -l- и -n-, как и в кетском языке, по всей видимости, различаются по признаку "длительность — единичность" или "завершенность — незавершенность" действия. Здесь мы не будем особенно

аргументировать это утверждение (см. соответствующий раздел в "Структуре кетской глагольной словоформы", а также Вернер 1990: 161-164). Заметим только, что доказательство этого утверждения для кетского языка автоматически делает его истинным и для коттского, поскольку большинство отождествленных парадигм совпадают по своим показателям претерита.

Показатели -l- и -n- покрывают собой 90% всех коттских парадигм. Тем более загадочными представляются другие два показателя: -j- и -r-.

Что касается второго из них, то совершенно не исключено, что это всего лишь диалектная разновидность показателя -l-. Он встречается не более чем в десяти коттских парадигмах и в общем отождествляется с ним по значению (выражение незавершенности действия). Как известно, два коттских диалекта (А и Б), в частности, противопоставлены друг другу по соответствию l/r в некоторых контекстах. Тем не менее, вопрос этот еще недостаточно изучен и делать какие-либо окончательные выводы преждевременно.

Показатель -j- не сводится ни к каким фонетическим вариантам и поэтому должен рассматриваться как самостоятельная морфема со значением прошедшего времени. Более точно значение его определить не удастся, поскольку, во-первых, количество парадигм, образующих j-претерит, также невелико, во-вторых, мы не можем полагаться на кетские данные, поскольку -j- в кетском претерите встречается всего в двух-трех случаях, будучи практически вытеснен показателями -l- и -n-.

Все три основные группы (глаголы с j-претеритом, l-претеритом, n-претеритом) довольно строго отделены друг от друга и контаминируют довольно редко (ср., однако: ofūlaŋ 'я сверлю', ōlafūlaŋ/ōnafūlaŋ 'я сверлил'; вторую форму Г. К. Вернер предлагает переводить как 'я просверлил').

В нескольких случаях нам также попадаете любопытный показатель h-, встречающийся в инлауте и, по-видимому, также означающий прошедшее время, ср. itōjaŋ 'я прихожу' — haitōjaŋ 'я пришел'.

1.5. Абсолютное большинство коттских парадигм имеют как в презенсе, так и в претерите специальный маркер спряжения (ср. кетский). По этому признаку мы различаем прежде всего два основных спряжения: а-спряжение и о-спряжение. Различие между ними

лучше всего видно на примере формально непереходных безобъектных простых глаголов:

а-спряжение:

| | | | | | |
|----------|-------------|-----------|--------------|--------|-----------|
| ā-thijaŋ | 'я бью' | ā-nathiaŋ | 'я бил' | ā-nthi | 'бей' |
| ā-rējaŋ | 'я охочусь' | ā-lapējaŋ | 'я охотился' | ā-lpei | 'охоться' |
| a-gejaŋ | 'я рожаю' | a-nagejaŋ | 'я родил' | a-nei | 'роди' |

о-спряжение:

| | | | | | |
|---------|------------|-----------|-------------|--------|----------|
| ō-fūjaŋ | 'я плету' | ō-nafūjaŋ | 'я сплел' | a-nfui | 'плети' |
| ō-fiaŋ | 'я погашу' | ō-lafiaŋ | 'я погасил' | a-lfi | 'погаси' |
| o-fūlaŋ | 'я сверлю' | ō-lafūlaŋ | 'я сверлил' | a-lful | 'сверли' |
| | | ō-nafūlaŋ | 'я сверлил' | a-nful | 'сверли' |

Как видно, основное противопоставление этих двух спряжений заключается в оппозиции а — о в презенсе и а — о в претерите. В императиве противопоставление нейтрализуется в пользу а.

Помимо этого, существуют еще два подтипа а-спряжения, различающиеся вокалическими элементами претерита. Так, глаголы со второй основой -k регулярно образуют претерит с помощью комплекса oō (ср. haŋpenākŋ 'я молюсь' — haŋpenolōkŋ 'я молился' — haŋpenālčək 'молись'). Что же касается других сложных глаголов, то они, как правило, имеют в претерите комплекс о-а (ср. axtāčeaŋ 'я втыкаю' — axtōlačeaŋ 'я втыкал' — axtalčex 'воткни'), хотя и не всегда.

Несомненно, что в претеритном комплексе основное значение лежит на первой, а не на второй, гласной. Вторая гласная (как правило, представленная в виде -а-), по всей вероятности, является специальным соединительным элементом, служащим, в частности, для отграничения претеритных форм от соответствующих форм императива. Формы типа haŋpenolōkŋ представляют собой ассимилированные из *haŋpenolākŋ (точнее — из *haŋpenolā-ukŋ, см. ниже). В некоторых случаях вторая гласная вообще отсутствует (вероятно, синкопируется), ср. opxaŋ 'я умер'.

Гораздо сложнее проблема распределения вариантов а-а и о-а в претерите а-спряжения у сложных и превербных глаголов. Ниже приводятся некоторые примеры глаголов обоих типов.

1) претерит на о:

| | | | |
|-------------|---------------|-------------|--------------------|
| đājan | đōnajan | đanče | 'изгонять' |
| thājan | thōlajan | thālče | 'послать' |
| čakājan | čakōlajan | čakālči | 'смеяться' |
| hatačian | hatōnačian | hatānče(i) | 'развести (огонь)' |
| axtāčean | axtōlačian | axtalčex | 'втыкать' |
| ičanthāčean | ičanthōlačean | ičanthālčex | 'починять' |
| thānan | tholōnan | thālan | 'видеть' |
| thāgākŋ | thōnākŋ | thānax | 'обдирать' |

2) претерит на а:

| | | | |
|-----------|-------------|-----------|--------------|
| ačā?ājan | ačā?ālajan | ačā?ālče | 'звать' |
| šumašian | šumanašian | šumanše | 'оторвать' |
| imašian | imalašian | imalšin | 'собирать' |
| oga?āčean | oga?ālačean | oga?ālčex | 'убивать' |
| hačīpaŋ | halačīpaŋ | halčīp | 'закрывать' |
| hačīkŋ | halačīkŋ | halčik | 'покрывать' |
| đašian | đalašian | đalše(i) | 'наряжаться' |

Разумного распределения, судя по этим примерам, найти так и не удается. Тем не менее, вряд ли его следует считать морфологическим: во-первых, разница в гласных может проследиваться при полном совпадении моделей словоформ (ср. *axtāčean* и *oga?āčean*), во-вторых, в таком случае нам пришлось бы постулировать третье, смешанное спряжение, которое было бы возможно только в сложных глаголах. Подобные соображения заставляют нас считать, что распределение между этими двумя подтипами все же является фонетическим. На это могут влиять самые различные факторы, как-то: а) консонантное окружение; б) ударение и просодика; в) редукция в многосложных словах, etc. Наконец, не исключено просто плохое качество записи.

Заметим также, что, в то время как все глаголы первого типа характеризуются долгой маркером спряжения *-ā-*, большинство глаголов второго типа содержат краткое *-a-*. Если предположить, что в этом (а, возможно, и в других) случаях долгота характеризует также ударность гласного, то противопоставление этих двух типов можно описать как соответственно тип с ударным маркером спряжения и с

ударением на корне. В таком случае в претерите глаголов второго типа маркер спряжения оказывается в предупредительной позиции, а, следовательно, подвергается редукции и нейтрализации (*šūmonašājan > šūmanašājan). Впрочем, подобная гипотеза не может считаться доказанной за отсутствием каких-либо достоверных сведений о характере коттского ударения.

Мы описали здесь противопоставления спряжений у тех парадигм, которые образуют претерит с помощью формантов -l- и -n-. Что же касается глаголов, образующих r- и j-претерит, то у них эти противопоставления выглядят несколько иначе.

Так, r-претеритные сложные глаголы а-спряжения образуют претерит с помощью компонента -ur- (-ir-), который, по-видимому, представляет собой на самом деле *o-r-a с выпавшим вторым гласным и модифицированным первым (впрочем, не исключено, что второго гласного вообще не следует постулировать). Ср. althātajan 'я вынимаю' — althirtajan 'я вынимал'.

Что же касается j-претерита, то глаголы, образующие его, претерпевают еще более серьезные изменения. Они, как правило, заключаются либо в выпадении второй гласной, либо в выпадении самого -j-. Ср. fōtekj 'я стреляю' — fuitekj 'я стрелял', но ačalthōttaj 'я одеваюсь' — ačalthoāttaj 'я одевался' (скорее всего из *ačalthojattaj).

Подробно останавливаться на каждом из этих изменений мы не станем, тем более что это довольно рискованно: чрезвычайное увлечение может привести к тому, что за "глубинную морфонологию" или что-либо в этом роде мы можем принять на самом деле просто некачественную запись.

Особо в этом отношении стоит восьмой тип глаголов. В то время как в претерите у него отчетливо выделяется начальное a-, тем самым определяющее все его глаголы как глаголы а-спряжения (ср. anigejan 'я родился', anīgranajan 'я сел', aligīnanjan 'я шел', etc.; поскольку объектный показатель начинается с гласного, второй гласный претеритного комплекса выпадает), в презенсе всяческие маркеры отсутствуют. Исключение составляют формы третьего лица (dāgei 'он рождается', etc.), где присутствует маркер -a- (если это действительно маркер спряжения!) Подробнее об этом см. 2.3.4.

Важно также заметить, что глаголы V и VII типов (с показателями b- и d-) никогда не имеют маркера o-спряжения, т. е. любой глагол этого типа неизменно начинается с морфемного комплекса b-a и d-a-.

Выделив, таким образом, в коттском языке два основных спряжения — а-спряжение и о-спряжение, мы вправе поставить вопрос о существовании их противопоставления. Отражает ли противопоставление этих двух спряжений какое-либо реальное семантическое противопоставление или же их маркеры лексически распределены?

Судя по материалам, приводимым в работах (Кастрен 1858) и (Вернер 1990), мы могли бы предположить, что глаголы а-спряжения в большинстве своем являются переходными или потенциально переходными (т. е. способны присоединять показатели объекта, но не зафиксированы в этих формах), в то время как глаголы о-спряжения не способны присоединять объектных показателей. В самом деле, ни один из глаголов о-спряжения, приведенных в указанных работах, не сочетается с показателем объекта. Однако такие формы, как оказалось, присутствуют в рукописях М. А. Кастрена и лишь случайно не попали в издание Шифнера.

Что касается чисто семантических противопоставлений, то таковых при сравнении глаголов а- и о-спряжения не обнаруживается и, по всей видимости, не существует. Мы вынуждены констатировать четкое лексическое распределение между этими двумя спряжениями (кстати, практически никогда не смешивающимися друг с другом, поскольку М. А. Кастреном не зафиксировано ни одной дублетной формы) и их несводимость друг к другу (по крайней мере, на синхронном уровне; относительно их диахронической интерпретации см. 2.4.2).

1.6. Помимо этих двух спряжений, в коттском языке имеется еще одна, сравнительно небольшая, группа глаголов, которая формально вряд ли может быть отнесена к а-спряжению или к о-спряжению. Это глаголы, имеющие в презенсе формант -č̣/-č̣i/-č̣š- (вариант -č̣ появляется в интервокале, -č̣š- — перед согласными t, th, -č̣i- — перед прочими согласными), в претерите и императиве нуль. Приведем здесь некоторые из них.

а) вариант -č̣-

| | | | |
|--------------|--------------|---------|-----------|
| thačakītaŋ | thalakītaŋ | thalkīt | 'мазать' |
| kithačapajaŋ | kithalapajaŋ | kithala | 'платить' |
| hačapitaŋ | huipitaŋ | hipit | 'давить' |

| | | | |
|-----------|-----------|----------|------------|
| učikŋ | ulikŋ | ulčik | 'толкать' |
| aithačōkŋ | aitholōkŋ | aithalōx | 'кочевать' |
| thačujŋ | thaluŋ | thaluŋ | 'целиться' |

б) вариант -čū-

| | | | |
|--------------|--------------|-------------|-------------|
| attēčujŋ | attēluŋ | attēlčū | 'рассыпать' |
| thēnfēčuknaŋ | thēnfēruknaŋ | thēnfērčukŋ | 'ступать' |
| thēčujŋ | thēluŋ | thālčē | 'посылать' |

в) вариант -š-

| | | | |
|------------|------------|----------|--------------|
| ēštajaŋ | ēltajaŋ | elta | 'класть' |
| akŋušthiaŋ | akŋulthiaŋ | akŋulthi | 'сломать' |
| feštājaŋ | feltājaŋ | feltai | 'взвешивать' |

Среди простых глаголов примеров почти не встречается. Исключение представляет один глагол I типа: aštokŋ 'я прыгаю', altokŋ 'я прыгал', altox 'прыгай', и один глагол V типа: bačaʔūčaŋ 'я это крою', balaʔūčaŋ 'я это кроил', alaʔuš 'крои'.

Частично забегаая вперед, отметим, что формант -č-, присутствующий в императиве, никакого отношения к -č- в презенсе не имеет (см. 1.7).

Важное наблюдение заключается в том, что во всех этих случаях претеритный комплекс имеет структуру VC, а не VCV; вообще образование претерита заключается, как правило, просто в замене показателя -š- на соответствующий показатель претерита (случай hačaritaŋ — huipitaŋ особый, поскольку здесь в претерите произошли определенные модификации под влиянием интервокального -j-). Как видно, эксплицитного присутствия маркеров а- или о-спряжения в этих глаголах обнаружить не удается.

Некоторые глаголы, как можно заметить, вставляют между формантом -č- и корнем также соединительный гласный -a- (а не -u-, как можно было бы ожидать; ср. thē-čū-jaŋ, но kitha-č-a-rajaŋ). Все подобные глаголы, однако, обладают одним характерным признаком, а именно, начинаются или содержат в себе преверб типа Ca (конкретно — tha- и ha-): kitha-čarajaŋ, tha-čakītaŋ, ha-čaritaŋ. Мы можем, следовательно, предположить, что в этих случаях произошло ассимиля-

тивное выравнивание качества гласного по предшествующему слогу: *kitha-čupajaŋ > kitha-čapajaŋ. Кажущееся исключение — глагол tha-čupaŋ 'целиться' — на самом деле содержит корень *uŋ*, т. е. с морфологической, а, возможно, также и с морфонологической точки зрения представляет особый случай.

Таким образом, глаголы на -č/-či/-š- формально образуют отдельное, третье спряжение. Относительно его семантического характера мы не можем сказать ничего определенного, оставаясь в рамках исключительно коттского языка.

1.7. Из наклонений в коттском, как и в кетском, представлены только два — индикатив и императив.

Регулярный способ образования императива — аффиксация перед главной основой маркера спряжения (-)а- (независимо от маркирования спряжения в презенсе) и соответствующего показателя претерита (l, r, n, j). Примеры см. выше.

Время от времени мы также видим в коттском императиве элемент -č-, функция которого с первого взгляда неясна. На самом деле формы императива, не содержащие этого элемента, и формы, в которых он присутствует, находятся в дополнительном распределении относительно фонетического контекста. Правила этого распределения следующие:

а) Элемент -č- регулярно появляется перед главной основой в том случае, если она начинается с гласных -и, -і. Ср. baŋūtaŋ 'я это сосу' — императив ačūt; oŋpaŋ 'я качаю' — императив ačūp; učikŋ 'я толкаю' — императив ulčik (-č- в презенсе не имеет к -č- в императиве никакого отношения, поскольку является маркером спряжения, ср. претерит ulikŋ).

б) В том случае, когда вторая основа содержит один согласный (как правило, -k- или -j-) и между показателем императива-претерита и основой необходим соединительный элемент, также регулярно вставляется -č-; ср. afuthākŋ 'я кую' — императив afuthālček; thamōjaŋ 'я жую' — императив thamālčei. В подобных случаях элемент -č- всегда сопровождается гласным -e-.

в) Наконец, элемент -č- регулярно встречается там, где в презенсе корень начинается с велярного g-. Ср. daŋičaŋ 'я гребу' — императив ačičš. В этих случаях было бы соблазнительно постулировать чередование g/č, однако это представляется маловероятным. Любопытно

обратить внимание на кетский глагольный корень *is* 'грести'. Если этот корень и коттский вариант на самом деле имеют общее происхождение, то в этом случае коттское *-g-* следует считать соединительным элементом, появляющимся в презенсе и претерите для ликвидации зияния.

Еще одна важная особенность в образовании императива заключается в том, что при этом регулярно выпадает показатель класса вещей *b-/p-*. Как справедливо подмечено Г. К. Вернером, подобным образом можно отличить этот показатель внутри слова от частей корня (Вернер 1990: 195). Исключение составляют глаголы со второй основой *-ra(j)-* (см. ниже).

Множественное число императива образуется путем прибавления суффикса множественного числа *-ap* и показателя второго лица мн. ч. *-oŋ*, т. е. компонента *-apoŋ*. В некотором отношении такое образование довольно странно, поскольку в единственном числе стандартно отсутствует суффиксация соответствующего личного показателя. Однако если мы возьмем нерегулярные формы императива типа *apu* 'уйди' (*ijaŋ* 'я ухожу'), *hiŋeu* 'дай' (*hiŋeŋaŋ* 'я даю'), *agegeu* 'сгнивай' (*daŋejaŋ* 'я гнию'), в которых как раз просматриваются эти показатели, то можно предположить, что первоначально коттский императив составлял комплекс из основной словоформы и энклитики, после чего они в некоторых случаях (в основном при конечном гласном в основной словоформе) сливались; что же касается множественного числа, то там слияние произошло во всех случаях.

Показатели объекта в императиве сохраняются регулярно, ср. *hama?anthālček* 'люби меня', *hama?athālček* 'люби его'.

Показатель кореферентного объекта *-i-* обычно также сохраняется в императиве, ср. *aniŋei* 'родись', *aniŋraŋ* 'сядь', *anikai* 'вернись'. Однако в некоторых случаях он исчезает, ср. *anthax* 'прыгни' (*ithakŋ* 'я прыгаю'), *altēn* 'ложись' (*itēnaŋ* 'я лягу'). Структурные соображения заставляют нас склониться к тому, чтобы признать показатель *-i-* в этих случаях выпавшим. Не исключено, что здесь также сработала аналогизация (комплекс *VCV* преобразуется в *VC*, являющийся стандартным в качестве показателя императива).

Поскольку в императиве показатели *-l-*, *-n-*, *-j-* оказываются вплотную "прижатыми" к корню, в отличие от претерита, где они отграничены от корня вспомогательным гласным претеритного комплекса, они вступают во взаимодействие с начальным согласным

корня и вызывают определенные чередования.

Так, корень *tek* с не совсем ясным значением (он употребляется только в сочетании с модификаторами; приблизительное значение — "класть", "располагать") в сочетании с *-n-* и с *-j-* императива теряет свой начальный согласный, а *-n-* в этом случае палатализуется. Ср.:

- ūʔotekŋ* 'втыкаю' — имп. *ūoŋek* (прет. *ūantekŋ*);
- hiltuōtekŋ* 'ныряю' — имп. *hiltuōŋek* (прет. *hiltuantheŋ*);
- akfātekŋ* 'расставляю' — имп. *akfājek* (прет. *akfuitekŋ*);
- fōtekŋ* 'стреляю' — имп. *fajek* (прет. *fuitekŋ*).

Корень *ra[j]* 'делать' (употребляющийся как в простых, так и в сложных глаголах) при соединении с *-l-* императива теряет начальное *r-*, ср.:

- baraŋaŋ* 'делаю' — имп. *ala* (прет. *balaraŋaŋ*);
- kithaśaraŋaŋ* 'плачу' — имп. *kithala* (прет. *kithalaraŋaŋ*), etc.

Крайне важно заметить, что губная фонема в таких глаголах вовсе не является, как казалось бы с первого взгляда, показателем объекта (хотя и выпадает в императиве), а представляет собой часть корня.

Исторически это объясняется тем, что изначально коттский корень *ra[j]* имел начальное **w-* (**wV-* 'делать'), которое, по-видимому, и выпало после *-l-*. Синхронно на этом месте можно просто постулировать чередование *r/0*.

В этом отношении интересно проанализировать также императив глагола *baruŋaŋ* 'тянуть' — *igi* (прет. *buiruŋaŋ*). Если восстанавливать начальный согласный этого корня в виде **w*, то исходная императивная форма должна была бы выглядеть как **i-j-wi* (корни, оканчивающиеся на *-j*, вообще имеют довольно нетривиальную морфонологию; одно из ее правил — в императиве остается вместо конечного сочетания гласный + *j* один лишь гласный; что касается характера гласного в глаголе 'тянуть', то *-u-*, вероятно, представляет собой результат ассимиляции с предшествующим губным согласным).

Возможно ли развитие **ijwi > igi*? Возможно, через два этапа:

а) выпадение *-w-* после *-j-*;

б) переход *-j-* перед *-i* в *-g-*; такое явление в коттском засвидетельствовано, например, в пассивных формах от глаголов на *-j*. Ср. *śiśoŋaŋ* 'я улучшаю' — *śiśōlaŋaŋ* 'я улучшал' — *śiśōlāgi* 'он улучшен'.

Таким образом, форма *igi* является нормальной с исторической точки зрения. Синхронно здесь приходится постулировать супплетивизм.

Иногда императив позволяет "восстановить" конечный согласный корня, утраченный в презенсе и претерите. Ср.:

ogaʔāšeaŋ 'убиваю' — прет. ogaʔālašeaŋ — имп. ogaʔālšex.

Здесь мы имеем регулярный рефлекс праенисейского согласного *χ (см. Старостин 1982: 167), выпадающего в интервокале, но сохраняющегося в конце слова. Синхронно мы опять же постулируем чередование x/0.

В некоторых случаях императив действительно образуется супплетивно, ср. āttaŋ, bāttaŋ 'я кладу (это)', императив aŋer 'клади'; īpaŋ 'я иду', императив alta 'иди' (но oŋinoŋ 'идите!').

1.8. Особое внимание следует уделить исследованию такого вопроса, как коттский пассив. Здесь, как и в кетском, также предстоит решить вопрос, следует ли выделять в коттском специальные способы образования страдательных конструкций и тем самым признавать существование в нем категории залога, или же диатезные противопоставления специально в морфологическом плане не маркируются? Для кетского языка (по крайней мере, на синхронном уровне) невозможно постулировать подобную категорию (по крайней мере, словоизменительную); можно ли сделать то же самое в коттском?

Глаголы с пассивным значением в коттском языке обладают следующим набором признаков:

а) В отличие от кетского "пассива", в котором глаголы изменяются по времени, М. А. Кастреном зафиксированы только претеритальные формы с преимущественным обозначением состояния. Это означает, что глаголы с пассивным значением в коттском языке имели статус статических и никаких больше. Данный факт весьма важен для правильного понимания проблемы диатезы в енисейских языках.

б) Перед показателем претерита регулярно появляется маркер спряжения (o- или a- соответственно), хотя в некоторых парадигмах мы видим чередование o — a, ср. alikītaŋ 'я обмазан' — olākīt 'он обмазан'.

в) Стандартная парадигма пассива содержит два ряда личных показателей: субъектные (в конце) и рефлексивные (между показателем претерита и корнем), в результате чего эти глаголы можно было бы формально отнести к VIII типу. Однако любопытно, что показатель -i-, в VIII типе использующийся исключительно в ед. ч., в пассивных глаголах имеется также и во мн. ч., ср. alikītaŋ 'я обмазан',

alīkīntoŋ 'мы обмазаны'.

г) В третьем лице ед. и мн. ч., как и в VIII типе, показатель *-i-* заменяется показателем *-a-/-aŋ-* (в презенсе, вероятно, было бы *da-/daŋ-*). Ср. *alīkītaŋ — olākīt* 'он обмазан'.

д) По-видимому, помимо стандартной пассивной парадигмы возможна также безличная (точнее, бессубъектная) форма со значением пассивного причастия, которую и приводит М. А. Кастрен в качестве основной пассивной формы. Кроме того, что у нее, во-первых, не выражен субъект, а во-вторых, присутствует все тот же показатель *-a-*, у многих подобных форм в конце суффицируется показатель *-i*, ср. *olākīti* 'обмазанный', *dalati* 'высеченный'. Именно от этой формы происходит дальнейшее образование пассивной парадигмы, причем в некоторых случаях конечное *-i* выпадает (ср. *olākīt*), а в некоторых сохраняется (ср. *dalitīaŋ* 'я высечен').

Тот факт, что формы пассива напоминают формы глаголов VIII типа, явно не случаен (ср. аналогичную ситуацию в кетском). Заметим, что, хотя мы и называем это пассивом, однако название это совершенно условно, поскольку само понятие пассива подразумевает минимум два семантических актанта ситуации — агенса и пациенса, в то время как здесь присутствует либо только агенс, либо только пациенс, либо (скорее всего) они совмещены в одном референте. Ситуацию же, когда агенс и пациенс совпадают, принято называть не пассивом, а рефлексивом.

Таким образом, коттские "пассивные" глаголы на самом деле являются рефлексивными и в плане содержания полностью совпадают с глаголами VIII типа. В плане выражения они отличаются только в трех отношениях: а) невозможность образования презенса; б) *-i-* во мн. ч; в) показатель *-i* в причастии, часто сохраняющийся при спряжении.

Прочие вопросы, а также попытка подробного семантического истолкования всех этих фактов будет дана нами ниже, при сравнении с кетским материалом при реконструкции общененецкого состояния. Здесь же в качестве выводов следует отметить, что нет никаких оснований для выделения в коттском языке страдательного залога. Все "пассивные" парадигмы, являясь на самом деле рефлексивными, составляют подтип VIII типа глаголов.

1.9. Последний вопрос, касающийся собственно глагола, который мы считаем нужным рассмотреть в этой части статьи, — вопрос о

структурных моделях коттских глаголов.

Г. К. Вернер выделяет четыре основных типа таких моделей: простые (одноосновные) глаголы, и двуосновные глаголы, подразделяющиеся на превербные, т. е. состоящие из сочетания главной основы и преверба, двухкорневые, т. е. состоящие из двух полноценных корневых морфем, каждая из которых имеет лексическое значение, и "корне-служебные", т. е. состоящие из одной полнозначной корневой морфемы и одной служебной (Вернер 1990: 113).

Сразу условимся, что для краткости мы будем называть вторую основу, т. е. основной глагольный элемент, которому непосредственно подчинены все служебные морфемы (личные показатели, время, etc.) ядром глагольной словоформы, а первую основу (в том числе превербы) — модификатором глагольной словоформы, по аналогии с терминами, принятыми нами для описания кетской глагольной системы.

Если относительно первых двух моделей все довольно ясно с самого начала, то относительно двух последних могут возникнуть различные осложнения, главное из которых заключается в том, что совершенно непонятно, в каких случаях мы должны считать ядро словоформы служебной морфемой, а в каких — корневой. В данном случае Г. К. Вернер, по-видимому, продолжает традицию, начатую еще Е. А. Крейновичем при классификации им кетских моделей. При классифицировании глаголов Г. К. Вернер, как правило, руководствуется следующим принципом: если определенное ядро словоформы может встречаться без модификатора, т. е. служить базой для одноосновного глагола, то при присоединении к нему модификатора оно трансформирует глагол в двухкорневой, при этом сохраняя свое полноценное лексическое значение. В противном случае, т. е. если ядро без модификатора невозможно, оно этого лексического значения не имеет. Так, ядро -k не встречается без модификатора и поэтому является частью "корне-служебного" глагола; а глагол *hutöttaŋ* 'я ловлю' является двухкорневым, поскольку есть глагол *ättaŋ* 'я кладу'.

К сожалению, даже и здесь Г. К. Вернер довольно часто отступает от этого принципа. Так, если мы возьмем глагол *attēšijaŋ* 'я рассыпаю', где выделяется ядро -ij-, мы не найдем ни одного простого глагола типа **ašijaŋ* или **bašijaŋ*; тем не менее этот глагол, равно как и несколько других, причислены к двухкорневым.

К тому же на синхронном уровне подобное распределение

сложных глаголов на два класса вообще не оправдано. Если бы, например, у ядер или у модификаторов в разных классах были разные функции (другой порядок, различные позиции относительно них показателей времени, субъекта и объекта, etc.), это еще было бы допустимо. Здесь же мы всегда имеем одно и то же: ядро, играющее центральную роль в словоформе независимо от своего значения, и модификатор, также независимо от своего значения таковой роли не играющий. Основное лексическое значение все равно всегда лежит на модификаторе, а не на ядре; так, глагол *hutōttan* 'ловить', понятый буквально, должен был бы быть переведен как 'ловлю-кладу-я' (!). Поэтому говорить о лексическом равноправии ядра и модификатора представляется бесполезным и невозможным.

Таким образом, "двухкорневой равноправный" тип глаголов и "корне-служебный" тип глаголов, по-видимому, желательнее объединить в один. В принципе сюда же можно было бы присоединить и превербные глаголы, противопоставляя, таким образом, только сложные и простые; однако это представляется уже излишним, поскольку превербные глаголы все же несколько отличаются по своей структуре от беспревербных сложных.

Рассмотрим подробнее каждый тип в отдельности.

Меньше всего можно сказать о простых (ядерных) глаголах. Они представлены типами I, V, VII и VIII. Корни имеют любые из разрешенных структур, т. е. C (p 'пить'), VC (un 'мешать'), CV (thi 'бить'), SVC (rej 'охотиться') и др. Многие из них обладают способностью присоединять модификаторы.

Превербные глаголы имеют ту же структуру с той оговоркой, что в анлауте всегда находится преверб. Основных превербов насчитывается четыре: *đ-*, *f-*, *th-*, *h-*; в одном случае, несомненно, зафиксирован преверб *č-* (*čauganaŋ* 'я горю', ср. *augaŋanaŋ* 'я варю'). По-видимому, превербами следует считать только однофонемные элементы с неопределенным значением; значение прочих, как правило, вычленяется. Формально мы должны считать превербы модификаторами; их специфика заключается только в особом фонетическом строении, а также в том, что они могут иногда вклиниваться между ядром и "основным" модификатором в качестве "побочного" модификатора. Ср. *thānaŋ* 'я вижу', где выделяется преверб *th-*, и *šamaifuithānaŋ* 'я вижу сны', где присоединение модификатора не вызывает исчезновения преверба. С другой стороны, возможно, по-видимому, и присоеди-

нение преверба к модификатору, ср. eštajaŋ 'я кладу' — f-eštajaŋ 'я взвешиваю', при том, что сочетание двух модификаторов в коттском невозможно принципиально. Все это заставляет нас выделять превербный тип глаголов в качестве особого типа и считать сами превербные более тесно связанными с глаголами, чем модификаторы.

Абсолютное большинство превербных глаголов хорошо поддаются классификации по а- и о-спряжениям (примеры см. выше). Существует также небольшая группа превербных глаголов ŝ-спряжения: feštājaŋ 'я взвешиваю', feltājaŋ 'я взвешивал'; thēcujaŋ 'я посылаю', thēlujaŋ 'я посылал'.

Некоторые глаголы, однако, имеют специфические модели спряжения; ср. thēginaŋ 'я падаю', thēlaginaŋ 'я падал'; thigājaŋ 'я отстаю', thaligājaŋ 'я отставал'. Что касается последнего случая, то форма претерита ясно указывает на то, что -i- не только не относится к модификатору, но и не может являться каким-либо маркером спряжения. Гласный -i- в этом случае является либо частью ядра (что сомнительно, но возможно), либо на самом деле показателем рефлексива (что весьма вероятно, однако недоказуемо и неопровержимо, поскольку мы не располагаем другими формами этого глагола).

Что касается превербных глаголов с -e-, то здесь, вероятно, -есамо является модификатором и имплицитно указывает на выпадение маркера спряжения; иное объяснение предложить было бы довольно затруднительно.

Наконец, третий тип (модификаторно-ядерный) является самым распространенным из всех. Мы не будем подробно описывать здесь всевозможные коттские модели сложных глаголов (перечисление самых частых ядер и примеры см. Вернер 1990). Ограничимся несколькими общими замечаниями.

а) Относительно семантики корней можно сказать, что модификаторы чаще всего представляют собой именные образования, иногда состоящие просто из одного корня, иногда — из корня и какого-либо аффикса (среди наиболее распространенных — -g-, -n-, -ŋ-); ср. tuk-ākŋ 'я плюю', afu-ākŋ 'я кую'; fālig-ākŋ 'я жирею', ŝujeŋ-ākŋ 'я заблужусь', etc. Весьма распространен также формант -j-.

б) Большое количество модификаторов совпадают по форме с инфинитивом, ср. hatax 'нагреть' — hatagākŋ 'я нагреваю'. Бывают, однако, формы инфинитива, состоящие из обеих частей: ср. akŋušthi 'ломать' — akŋušthiaŋ 'я ломаю'. Подробнее об инфинитиве см. 1.10.

в) Абсолютное большинство глаголов этого типа классифицируются по признаку принадлежности к а-, о-, ѝ-спряжению.

1.10. Как и в кетском, в коттском исследователями тоже выделяется форма инфинитива; и, так же как и в кетском, мы считаем это выделение (или, по крайней мере, название) не совсем уместным. Коттский инфинитив — это скорее всего отглагольное имя со значением действия или состояния, при этом не имеющее четких правил образования. Оно, как правило, представляет собой чистый корень (у ядерных глаголов), сочетания корня с превербом (у превербных глаголов), модификатор или комбинацию ядра с модификатором. В довольно большом количестве случаев "инфинитив" вообще не является глагольным образованием, ср. *aithox* 'аргиш; аргишить' — *aithogākŋ* 'я аргишу'.

Синтаксические функции инфинитива, в отличие от кетских, нам практически неизвестны ввиду полного отсутствия текстов.

Перечислим наиболее употребительные модели "инфинитивов" от трех основных типов коттских глаголов.

I. Ядерные глаголы.

а) Корень в чистом виде: *xa* 'умирать' (*daḥajaŋ* 'я умираю'). Этот случай едва ли не единственный.

б) В подавляющем большинстве случаев инфинитив образуется путем префигирования к корню словообразовательной морфемы *š̄i-*: *š̄ithi* 'бить', *š̄igiš* 'грести', *š̄iru* 'тянуть', *š̄ikit* 'тереть', etc.

II. Превербные глаголы.

Стандартный инфинитив от превербного глагола состоит из простой комбинации преверба и корня без каких-либо формантов (даже без маркеров спряжения, ср. *hōfiaŋ* 'я возвращаюсь' — *hafi* 'возвращаться'; *hačaritaŋ* 'я нажимаю' — *harit* 'нажимать').

III. Ядерно-модификаторные глаголы.

а) Некоторые глаголы в качестве инфинитива имеют просто модификатор. Это прежде всего все глаголы с ядром *-k-*: ср. *aithogākŋ* — *aithox*. Вероятно, сюда же относятся глаголы на *-tta(ŋ)*, хотя у нас есть только один пример: *halajaŋ* 'показывать' — *halanthōttaŋ* 'я показываю'.

б) Большинство, однако, образуют инфинитив путем сочетания модификатора с ядром. Ср. *axkit* 'строгать' — *agōkitaŋ* 'я строгаю'; *okšex* 'убивать' — *ogaʔāčeaŋ* 'я убиваю'; *kipi* 'платить' — *kithačarajaŋ* 'я плачу'; *imašin* 'собирать орехи' — *imašinaŋ* 'я собираю', etc.

Здесь перечислены все основные способы образования "инфинитива", охватывающие подавляющее большинство коттских глаголов. Глядя на них, можно привести дополнительные соображения в пользу того, что эти формы представляют собой на самом деле имя, а не инфинитивную форму.

Это прежде всего видно из случаев типа Ша). Форма aithox на самом деле представляет собой сочетание именного корня aith с именным суффиксом -ox. То же самое представляет из себя большинство других модификаторов к ядру -k-. Что касается самого ядра, то оно, очевидно, полностью десемантизировано и используется в качестве "пустого корня", чтобы выражать собственно глагольное значение слова. Отбрасывание именно этой глагольной части и сохранение именной части в инфинитиве и доказывает нам, что эти формы не могут трактоваться как глагольные.

По аналогии с этим случаем мы обязаны признать и остальные "инфинитивы" отглагольными существительными.

2. Реконструкция праенисейской глагольной системы.

2.1. Введение. Цель, поставленная нами, — реконструкция основных морфологических особенностей системы праенисейского глагола, — ставится уже не в первый раз. Те или иные рассуждения по поводу происхождения определенных грамматических формантов кетского и коттского языков содержатся во многих трудах. Мы можем выделить три основных метода, применяемых при подобных рассуждениях.

а) Сопоставление схожих элементов в грамматической структуре кетского и коттского языков. Некоторые замечания по этому поводу присутствуют у Е. А. Крейновича (Крейнович 1968), однако автор не претендует на возведение кетской и коттской формы к тому или иному архетипу. Наиболее систематично такого рода сравнением занимался Г. К. Вернер (Вернер 1990); однако в большинстве его замечаний просматривается известного рода "кетоцентризм", т. е. представление о большей архаичности кетского языка по сравнению с коттским.

б) Внутренняя реконструкция, основывающаяся на чисто синхронном анализе особенностей кетского глагола. Такой подход наиболее характерен для большинства исследователей енисейских язы-

ков, прежде всего — для А. П. Дульзона (Дульзон 1968) и Е. А. Крейновича (Крейнович 1968). Однако утверждения, основанные исключительно на кетских данных без сопоставления их с соответствующими коттскими, нельзя считать доказательными.

в) Наконец, третий подход заключается в сравнении грамматической системы кетского языка с грамматическими системами языков, предположительно находящихся в отдаленном родстве с кетским, прежде всего — с кавказскими. Этот подход наиболее характерен для ранних исследователей кетского языка, а также для А. П. Дульзона (Дульзон 1968). Проблема заключается в том, что в подобных случаях, как правило, сравниваются не реконструированные грамматические морфемы, а синхронные состояния сравниваемых языков. Совершенно очевидно, что до тех пор, пока между такими языками не установлены регулярные фонетические соответствия, любые морфемные сходства могут быть оспорены.

Таким образом, видно, что наиболее подходящим для конкретной реконструкции из вышеописанных трех методов является первый. Возникает вопрос: почему же до сих пор такая реконструкция не была проведена?

Мы можем выделить две основные причины. Первая заключается в том, что до недавнего времени отсутствовала хоть сколько-нибудь удовлетворительная реконструкция праенисейской фонетики, что, в свою очередь, сильно затрудняло морфемное сравнение. Вторая причина состоит в том, что, грубо говоря, нечего было сравнивать — из-за отсутствия формального и полного описания как кетской, так и коттской глагольных систем.

В настоящее время, как мы считаем, оба эти препятствия практически устранены. Что касается первого, то отныне мы располагаем вполне адекватной реконструкцией праенисейской фонологической системы, выполненной С. А. Старостиным (Старостин 1982). Кетская экспедиция, проведенная факультетом теоретической и прикладной лингвистики РГУ летом 1993 г., и последующая обработка собранного глагольного материала, а также переинтерпретация и анализ уже имевшегося материала автором данной статьи совместно с К. Ю. Решетниковым (см. "Структура кетской глагольной словоформы" в этом же издании), привели к значительным модификациям общепринятой трактовки кетских глагольных форм и построению относительно формальной глагольной модели. Таким образом, основные

условия, необходимые для выполнения реконструкции, можно считать выполненными.

Существуют, правда, некоторые затруднения, преодолеть которые оказывается практически невозможным. Это, во-первых, чрезвычайная скудость материала всех енисейских языков, кроме кетского. Наиболее значительная часть глагольного материала нам известна из коттского языка, однако количество глагольных корней, дошедших до нас, все равно остается лишь порядка сотни; что же касается аринского и пумпокольского, то все, чем мы располагаем в их случае — несколько сомнительных словоформ, зафиксированных учеными XVIII в.

Даже сам кетский язык, представляющий, несомненно, бесценный источник нашего знания о праенисейском глаголе, к сожалению, найден нами уже на относительно поздней стадии своего развития, когда первоначальная система простых глаголов с одним корнем почти полностью вытеснена системой сложных глаголов, характеризующихся крайне небольшим количеством чрезвычайно продуктивных, но с морфологической точки зрения тривиальных моделей.

На все это накладываются также специфические ограничения, связанные с самим характером реконструкции. Известно, что реконструкция морфологии произвольного праязыка всегда сложнее для выполнения, нежели реконструкция его фонологической системы — ввиду отсутствия каких-либо регулярных законов. Если же учесть, что по данным лексикостатистики распадение праенисейской языковой общности произошло не позднее начала I тыс. н. э., то тем более очевидно, что за это время морфологические системы кетского и коттского языка могли развиваться независимо друг от друга вплоть до полной несхожести с праязыковой системой.

Таким образом, все эти обстоятельства — крайне малочисленное число языков, чрезвычайная скудость коттских данных, явно инновационный характер кетской системы, неустойчивость языковой морфологии в целом — весьма осложняют нашу задачу. Вследствие этого предлагаемую ниже систему реконструкции следует считать лишь приблизительной.

Материал, приводимый в данной статье, берется в основном из следующих источников:

А. Кетский. Основным источником до сих пор является "Глагол кетского языка" Е. А. Крейновича (Крейнович 1968), не столько "за-

мещенный", сколько "подкрепленный" и проверенный материалами кетской экспедиции РГГУ летом 1993 г. Спорадически приводится также материал из "Кетского языка" А. П. Дульзона (Дульзон 1968), хотя большинство приведенных там парадигм ненадежно, а система фонетической записи оставляет желать лучшего. Имеющийся материал сверялся также с формами, приводимыми М. А. Кастреном (Кастрен 1858), которые, с одной стороны, крайне ненадежны из-за нестандартной системы записи, а, с другой, представляют особый интерес в качестве наиболее ранних зафиксированных форм кетского глагола. Привлекаются также формы югского (сымского) диалекта, приводимые Г. К. Вернером (Вернер 1980) и М. А. Кастреном (Кастрен 1858) на очевидную близость к собственно кетским (имбатским) формам, в некоторых случаях они способствуют более адекватной оценке материала.

Описание кетской системы приводится в соответствии с помещенной в этом же сборнике статьей Решетникова — Старостина "Структура кетской глагольной словоформы".

Б. Коттский. Почти весь материал берется из книги Г. К. Вернера "Коттский язык" (Вернер 1990), в свою очередь, воспроизводящей материалы М. А. Кастрена, а также фрагменты записей некоторых исследователей XVIII в.

В. Аринский и пумпокольский. Эти два языка предоставляют меньше всего материала, поскольку единственный его источник — записи Г. Ф. Миллера, Ф. П. Аделунга, Д. Г. Мессершмидта и др., в которых глагольные словоформы почти не приводятся. Аринские формы приводятся нами по в соответствии со статьей В. Н. Топорова (Топоров 1968). В связи с абсолютной недостаточностью аринских данных для их привлечения к реконструкции в качестве "равноправных" они будут использоваться только в качестве подтверждения (или опровержения) тех или иных гипотез, выдвигаемых на основе кетского или коттского материала. Вообще аринский язык, по мнению автора, довольно близок к коттскому и образует с ним единую арино-коттскую подгруппу; эта близость ясно прослеживается и в приводимых словоформах. Пумпокольские формы приводятся лишь в той мере, в какой они учтены в работе С. А. Старостина (Старостин 1982).

2.2. Реконструкция системы личных местоимений.

На местоименный характер показателей лица в енисейских языках было указано уже довольно давно; так, кетские показатели группы Д обычно сопоставлялись с исходными формами личных местоимений, а показатели группы Б с притяжательными формами. Однако точные сопоставления и история развития этих показателей до сих пор неизвестны, не только потому, что до сих пор практически не проводилось сравнительных исследований местоимений и личных показателей, а еще и потому, что до сих пор не реконструирована система личных местоимений. Поэтому мы намерены начать с реконструкции собственно местоимений, чтобы облегчить дальнейшую работу, т. е. несмотря на то, что личные местоимения не имеют непосредственного отношения к глагольной системе, их реконструкция будет способствовать реконструкции предыстории глагольных личных показателей.

Каждое праенисейское местоимение, по-видимому, обладало двумя основами — прямой (основной) и косвенной (притяжательной). Это противопоставление хорошо заметно по первому лицу, однако стирается во втором и третьем, поскольку эти две основы часто контактируют друг с другом, обобщаются и т. д.

Личное местоимение первого лица ед. ч. реконструируется как *ʔaʒ (кет. at, юг. at, кот. ai, ар. aj, пум. ad).

Это местоимение также имело особую притяжательную форму, представленную кетским ab-, b- и коттским личным показателем первого лица -ŋ. Здесь необходимо заметить, что, несмотря на внешнюю несхожесть этих двух форм (что, в частности, позволило Г. К. Вернеру утверждать о различном их происхождении), их тем не менее удастся свести к одному праенисейскому прототипу, представленному двумя вариантами: *-ŋ в ауслауте и *b- в инлауте. Исходной формой было *ŋ, но, поскольку анлаутные сонанты в праенисейском были запрещены, *ŋ претерпело следующие изменения: *ŋ > *m > *b. В кетском ауслаутный вариант не сохранился (см. ниже), анлаутный же представлен формами b- (в глаголе) и ab- (в имени; начальное a- представляет собой протезу, возможно, также восходящую к праенисейскому). В коттском сохранилось ауслаутное -ŋ (в глаголе) и анлаутное b- в форме притяжательного местоимения m-inʂo 'мой' (начальное m- по вторичной ассимиляции с последующим носовым). В коттском также представлен случай инлаутного -ŋ- в объектных

показателях (см. ниже); однако стандартно объектный показатель в этих случаях имеет форму аҗ- (опять-таки с протезой).

Форма местоимения второго лица выглядит как *ʔaw (кет. і, юг. и, кот. ау, ар. ау, пумп. ие).

Другая основа представлена в виде *kV/*ʔVk, с рефлексами в виде кет. uk 'ты', а также агентивного показателя k-, ku-; ср. также мн. ч. әкп 'вы'; пумп. ајап 'вы' (инлаутный -j- может восходить к *k); ар. -ku в качестве субъектного показателя второго лица, ср. ахип-ku 'ты стоишь'. В коттском нет никакого следа этого форманта. Данную форму следует, по-видимому, рассматривать как косвенную (притяжательную) основу местоимения *ʔaw. В коттском во всех контекстах обобщился вариант без велярного, в то время как в кетском вариант с велярным, наоборот, распространился также и на прямую основу (uk 'ты').

Хуже обстоит дело с формой третьего лица ед. ч. В кетско-югском в обоих классах представлена форма ви, сопоставляемая с ассанским ba-ti и с аринским ау и восстанавливаемая как *wV. В коттском, однако, мы имеем формы иҗи для мужского класса и иҗа для женского, несводимые к данному прототипу. Судя по форме мн. ч. ипiап, они состоят из трех разных морфем, при этом морфема и является "второстепенной", поскольку отграничивается от двух остальных показателем мн. ч. Наконец, третья форма представлена аринским ха-tu 'он', коттским диалектным ха-tu 'он' (если эта форма на самом деле не является аринской), югским ka-t 'этот', вероятно, также пумп. a-du 'он' (хотя здесь совершенно необъяснимо выпадение анлаутного согласного). Эти формы восходят к праенисейскому *ka- с предполагаемым значением 'тот'; однако вполне вероятно, что уже на праенисейском уровне эти местоимения фигурировали не только как указательные, но и как личные.

Стандартное местоимение третьего лица, однако, по-видимому, все же имело форму *wV, без разграничения класса. Что касается кетских форм du-, dә-, dә-, то они, как нам представляется, восходят к притяжательным, судя по их функции в кетско-югском, и должны восстанавливаться соответственно как *du (для м. к.) и *dә (для ж. к.). К проблеме форм третьего лица мы еще вернемся ниже.

Множественное число личных местоимений образовывалось путем добавления суффикса мн. ч. -п: *ʔазәп 'мы' (кет. әтп, юг. әтп, кот. ајоп, ас. ајуп, ар. аіп, пумп. адіп); *ʔawоп 'вы' (кот. ауоп, ар. ап; кет. әкп образовано по аналогии с ед. ч.). Форма третьего лица не очень ясна;

судя по кетскому $biŋ$, следовало бы также реконструировать $*wVŋ$, но подобная форма представлена только в кетско-югском; в аринском мы видим форму $itaŋ$ 'они'.

Специальные притяжательные формы для мн. ч. местоимений не восстанавливаются. Они, по-видимому, либо совпадали с прямыми формами, либо (как в кетском) представляли собой сочетание прямой формы с показателем генетива (ср. кет. $\acute{a}kŋ-\grave{a}$ 'ваш', $\acute{a}tŋ-\grave{a}$ 'наш').

В общем праенисейскую систему местоимений можно условно представлять в следующем виде:

| | Прямая форма | Косвенная (притяж.) форма |
|------------------|------------------|---------------------------|
| 1-е л. ед. ч. | $*ʔaʒ$ | $*b-/*-ŋ$ |
| 2-е л. ед. ч. | $*ʔaw$ | $*kV/Vk$ |
| 3-е л. ед. ч. м. | $*wV$ | $*du$ |
| 3-е л. ед. ч. ж. | $*wV(?)$ | $*d\acute{a}$ |
| 1-е л. мн. ч. | $*ʔaʒ\acute{a}ŋ$ | --- |
| 2-е л. мн. ч. | $*ʔawoŋ$ | --- |
| 3-е л. мн. ч. | $*wVŋ(?)$ | --- |

2.3. Реконструкция системы личных показателей.

2.3.1. **Субъектные** показатели в праенисейском более или менее сохранились на своих местах в коттском и аринском, но претерпели серьезные модификации в кетско-югском. В последнем субъектные показатели были частично вытеснены предикативными суффиксами (см. ниже), частично же сохранились в виде показателей косвенного объекта.

С точки зрения сегментного состава субъектные показатели в праенисейском практически полностью совпадали с соответствующими **объектными** показателями, которые, в отличие от субъектных, хорошо сохранились в кетско-югском.

Судя по данным прежде всего арино-коттской подгруппы, в праенисейском присутствовали следующие субъектно-объектные показатели:

- 1-е л. ед. ч. $*-ŋ$ (кот. $-ŋ$, кет. $b-$).
- 2-е л. ед. ч. $*-ku$ ($*-u?$) (кот. $-u$, ар. $-ku$, кет. $ku-$).
- 3-е л. ед. ч. $*-a$, $*-i$ (кот. 0 , кет. $a-$, $i-$).
- 1-е л. мн. ч. $*-dVŋ$ (кот. $-toŋ$, кет. $d\acute{b}ŋ-$).

2-е л. мн. ч. *-оŋ (кот. -оŋ, кет. [k]ʏŋ-).

3-е л. мн. ч. *-[d]aŋ (кот. 0, ар. -taŋ, кет. aŋ-).

В третьем лице мн. ч. в кетском представлено aŋ, в коттском — нуль. В аринском окончанием третьего лица мн. ч. является формант -taŋ. Исходя из этого, мы не можем точно установить праенисейский формант, хотя склоняемся в пользу архаичности кетского варианта.

В коттском произошли следующие изменения:

а) В третьем лице конечный гласный синкопировался в результате редукции конечного слога.

б) В третьем лице мн. ч. показатель *-[d]aŋ также исчез, вероятно, по аналогии с ед. ч.

в) Во 2-ом лице обобщился вариант без велярного.

Аринская система, как можно судить по одной единственной парадигме (глагола 'стоять'), не претерпела существенных изменений. Во втором лице ед. ч. аринский имеет -кц, ср. ахунки 'ты стоишь', возможно, по аналогии с ахунки 'он стоит', но скорее всего велярный в показателе второго лица сопоставим с велярным в соответствующем кетско-югском местоимении. Неясен зубной в окончании третьего лица мн. ч.

Наиболее серьезные изменения произошли в кетско-югском.

Основная модификация связана с тем, что субъектные показатели в кетском перестали служить для выражения собственно субъектных отношений, будучи вытеснены предикативными суффиксами. Таким образом, приведенная выше серия показателей в кетско-югском сохранилась исключительно в качестве объектной.

Судя прежде всего по показателю первого лица ед. ч., субъектные показатели развились из притяжательных местоимений. отождествить другие показатели с притяжательными местоимениями достаточно сложно, поскольку остальные практически не поддаются реконструкции. Тем не менее, имеются все основания говорить, что первоначально субъектные отношения в глаголе выражались своего рода атрибутивной конструкцией: 'мое-делание-этого', etc. Уже в праенисейском этот вид связи перешел в обычное согласование с субъектными показателями. Однако позиция их, по-видимому, была незакрепленной. Так, в коттском, наряду со стандартными субъектными показателями, М. А. Кастреном были также зафиксированы формы типа ājteap 'я хочу', где назализация первого гласного, очевидно, представляет собой видоизмененное ŋ-; таким образом, эта

словоформа на самом деле должна означать 'мое желание'.

Любопытно также обратить внимание на следующую ассанскую парадигму, зафиксированную Г. Ф. Миллером: *jatyk* 'я стою', *jatyk* 'ты стоишь', *jatyk* 'он стоит', *jatykantop* 'мы стоим', *jatykannon* 'вы стоите', *jatykan* 'они стоят'. Как видно, здесь в единственном числе вообще отсутствуют какие бы то ни было субъектные показатели; при этом их отсутствие не может быть объяснено качеством записи, поскольку форма второго лица типа **jatyku* не могла бы быть зафиксирована иначе. Это заставляет нас предположить, что в то время коттский (ассанский) еще не выработал окончательно системы субъектных показателей (ср., однако, мн. ч., где после суффикса *n* субъектные показатели все же присутствуют).

Таким образом, в праенисейском субъектные показатели имели явно клитический характер и присоединялись к словоформе факультативно. Это, в частности, избавляет нас от необходимости постулировать их отпадение в конце словоформы в кетском, что было бы крайне маловероятным, если бы данные показатели действительно уже в праенисейском являлись неотделимой ее частью. По-видимому, носителями енисейских языков на ранних этапах их развития "тело" глагольной формы и субъектные показатели-клитики еще воспринимались как два различных слова. Впоследствии они развивались в кетском и коттском языках в двух противоположных направлениях: в сторону полного грамматико-фонетического слияния со словоформой в коттском и в сторону более полного отграничения, вытеснения инновационными агентивными показателями и полного исчезновения в кетско-югском.

2.3.2. Объектные показатели в праенисейском формально практически не отличались от субъектных. Особо важное место занимал показатель класса вещей **w*, который не мог занимать позицию субъекта и являлся чисто объектным показателем. В 3-ем л. мн. ч. реконструируется **aŋ*.

Такая система объектных показателей почти полностью сохранилась в коттском, с тем исключением, что показатель объекта 1-ого лица мн. ч. в нем выглядит как *-oŋ*. Данное явление можно проинтерпретировать и как коттскую инновацию (в таком случае кетский действительно сохраняет праенисейское состояние), и как явление, восходящее к более раннему периоду. Несмотря на отсутствие ка-

кихлибо сильных аргументов в пользу той или другой трактовки (здесь особенно подводит отсутствие аринских данных — не зафиксировано ни одной формы с объектными показателями), мы все же склоняемся в сторону трактовки коттской системы как более архаичной, поскольку переход праенисейского *dVŋ в коттское oŋ по аналогии с показателем 2-ого л. мн. ч. oŋ (sic!) выглядит довольно необычно.

В кетском объектные показатели хорошо сохранились перед превербами (см. ниже); в этой позиции они соответствуют нынешним дативным показателям. Однако в случае отсутствия преверба в кетском представлены показатели только объектива, имеющего достаточно запутанное происхождение (см. 2.3.6).

Относительно аринских показателей объекта мы ничего не можем сказать, поскольку они просто не засвидетельствованы.

Судя прежде всего по коттским данным, объектные показатели в праенисейском были не столь частыми и далеко не столь обязательными, как в кетско-югском. В последнем семантическая переходность глагола стопроцентно соответствует его формальной переходности. В коттском же выражение объекта в переходном глаголе необязательно. На появление в словоформе объектных показателей налагаются некоторые структурные ограничения, в частности, в сложных глаголах объект, как правило, сопровождается показателем -th- (хотя возможен и без него, ср. ас̄а?ајаŋ 'я его зову').

Любопытно также и поведение исходных объектных показателей в кетском, где датив не перед превербом формально запрещен. Все это заставляет нас считать, что и объектное спряжение в праенисейском еще было недостаточно оформлено.

Следует обратить внимание на интересную коттско-кетскую параллель, а именно спряжение глагола 'забывать' (кот. ēŋ-eŋ-aīše, кет. eŋ-ba-suk). Оба они бессубъектны, но в коттском заполнена позиция объекта, а в кетском — датива. Такая любопытная модель, совпадающая в двух разных языках, заставляет признать ее восходящей еще к праенисейскому. При этом в коттском такие случаи единичны, а в кетском их довольно много. К этому же типу явно примыкают и кетские парадигмы типа ba-k-i-s-sal 'я переночую', bo-k-s-i-bej 'меня несет ветром', etc., где датив восходит исторически не к субъекту, а к объекту.

Особое место как в праенисейской системе, так и в отдельно

коттском и кетском языках занимает (условно называемый) показатель класса вещей *w.

Хотя мы и не можем решительно утверждать это, в первую очередь из-за кардинальной нехватки материала, все же похоже, что коттские парадигмы с показателем b и парадигмы с прочими объектными показателями находились в дополнительном лексическом распределении. Но даже если это не так, то все равно формы с этим показателем сильно отличались от прочих объектных форм рядом структурных особенностей.

То же самое можно сказать и о кетских формах с показателем b. Хотя парадигмы, включающие его, синхронно не находятся в отношении дополнительной дистрибуции с парадигмами, включающими другие объектные показатели (ср. di-b-daŋ 'я это мну' — di-a-daŋ 'я его мну'), все же любопытно, что показатель b не входит в систему показателей группы Б (датива), а объединяется с показателями объектива, являющимися в полном объеме кетской инновацией.

Судя по всем этим фактам, можно предположить, что показатель *w в праенисейском не противопоставлялся другим объектным показателям. Его первоначальной функцией даже не было маркирование именно класса вещей. Первоначальной функцией этого показателя было указание на переходный характер действия, на направленность его на какой-либо конкретный объект. Эта функция сохранилась, в частности, в кетском, например, в глаголе 'давать': d-a-n-b-o 'я ему даю', где показатель -b- занимает позицию объектива независимо от того, что конкретно дается — одушевленный или неодушевленный объект.

Вероятно, что первоначально показатели объекта исчерпывались одной морфемой *w. Позднее были введены особые показатели для обозначения одушевленного объекта, объекта первого и второго лица, etc. (впрочем, данное утверждение является лишь предположением).

Любопытно также, что праенисейские показатели объекта, по-видимому, не употреблялись (или употреблялись крайне редко) без некоторого "сопутствующего" элемента, как правило, k или t. Эта ситуация сохранилась как в кетском, где показатель датива возможен только перед специфическим "дативным детерминативом", так и в коттском, где показатели объекта в подавляющем большинстве случаев появляются перед морфемой -th-. В то же самое время все это не относится к показателю *w, который, как мы знаем, может встре-

чаться (и, как правило, встречается) не перед превербом.

Это наводит нас на мысль, что первоначально какие-либо объектные отношения внутри глагола выражались исключительно показателем *w и формантами *t и, возможно, *k (хотя последний утратил эту роль в коттском). Впоследствии, однако, для уточнения лица и пола объекта в словоформу стали инкорпорироваться дополнительные показатели, приведенные выше.

Таким образом, объектные показатели в праенисейском, практически не употребляясь без формантов *t и *k, составляли с ними нечто типа атрибутивной конструкции, в которой основным членом были *t и *k, выражавшие саму идею объекта, а зависимым — соответствующий показатель лица и числа. Что же касается показателя *w, то он, не нуждаясь ни в каких уточнениях, остался без изменений.

Следовательно, коттские показатели субъекта и объекта непосредственно соответствуют кетским показателям датива. Однако этим не исчерпываются праенисейские глагольные форманты, относящиеся к области личных показателей. Так, до сих пор не были объяснены показатели, представленные кетским агентивным и объективным рядами. Эти показатели, как нам представляется вероятным, восходят к еще одному ряду глагольных формантов, более или менее условно называемому нами предикативными суффиксами (прежде всего постольку, поскольку они соответствуют предикативным суффиксам как в кетском, так и в коттском).

2.3.3. Предикативные суффиксы реконструируются на основании прежде всего предикативных суффиксов кетского и коттского языка и агентивных показателей кетского. В праенисейском они выглядят следующим образом:

1-е л. ед. ч.: *-зV.

2-е л. ед. ч.: *-и.

3-е л. ед. ч. м. к.: *-du.

3-е л. ед. ч. ж. к.: *-dә.

3-е л. в. к.: *-m (?).

1-е л. мн. ч.: *-зVη.

2-е л. мн. ч.: *-оη.

3-е л. мн. ч.: *-аη.

Исходная функция предикативных суффиксов, сохраненная как в коттском, так и в кетско-югском, была определительной по отноше-

нию к именным формам — существительным и прилагательным.

В кетско-югском все эти суффиксы представлены без существенных изменений. В коттском в первом лице мы имеем *-taŋ*; по всей вероятности, это результат контаминации предикативного суффикса третьего лица с субъектным показателем 1-ого лица. Вообще гласный в этом показателе реконструировать довольно сложно; в кетском представлено *-di*, в коттском же конечный гласный неясен. Относительно происхождения коттского *-toŋ* см. 2.3.7.

Интерес представляет также показатель класса вещей **-m*, представленный в кетских формах типа *qä-ŋ-m* 'это большое'. В коттском ему функционально соответствует показатель **a* (ср. *sīs bilāŋa* 'камень какой?'), который Г. К. Вернером возводится к **am < *ab*. Мы не можем полностью доверять этому утверждению, поскольку в коттском нет запрета на ауслатный сонант; однако как-либо иначе объяснить происхождение этого *a* не представляется возможным. Однако, даже если первая часть этой гипотезы (отпадение конечного *m*) истинна, мы ни в коей мере не можем согласиться со второй ее частью, предполагающей развитие конечного *b* в *m*. Подобное развитие абсолютно исключается уже потому, что в коттском конечное *-b* никогда не назализуется, а просто подвергается оглушению и регулярно переходит в *p*.

Исходя из этого, мы вынуждены реконструировать в праенисейском в качестве предикативного суффикса конечное **-m*. Возникает очевидный соблазн увязать этот формант со стандартным показателем **w*. Однако это возможно только в одном случае: если реконструировать "доенисейский" показатель класса вещей в виде **m*. В таком случае **w*, в праенисейском регулярно ставившийся в начало словоформы, может восходить к анлаутному **m*.

Как и следовало ожидать, рефлексy предикативных суффиксов в аринском и пумпокольском нам неизвестны, поскольку какие-либо данные на этот счет отсутствуют. Интересно, однако, проанализировать следующие известные нам пумпокольские формы: *čiiŋdu* 'плачу', — *jaičidu* 'смеюсь'. В этих формах в качестве окончания представлен формант *-du*, который было бы соблазнительно сопоставить с соответствующим предикативным суффиксом. Тот факт, что эти формы переведены как относящиеся к первому лицу, ничего не доказывает, поскольку как качество записи, так и качество перевода эпохи записывания аринских и пумпокольских словоформ оставляет желать

лучшего. Окончательное решение подсказывается формой *kaḡḡdu* 'мертвый', которая, естественно, должна быть переведена как 'он мертвый'.

Тем не менее, эти формы, наряду с аринским *esende* 'плачу', явно свидетельствуют о возможности предикативных суффиксов также выступать в роли субъектных показателей при глаголе. Неизвестно, было ли это возможно в праенисейском; тем не менее, это было возможно в аринском (во всяком случае, в одном из его диалектов), в пумпокольском, и, важнее всего, в кетско-югском, где предикативные суффиксы в конечном итоге трансформировались в агентивные показатели.

2.3.4. Исходя из сопоставления других коттских и кетско-югских данных, мы должны заметить, что субъектно-объектные показатели в праенисейском не были единственным рядом. Требуют объяснения также такие коттские формы, как формы кореферентного спряжения и формы с префиксом *ǰ-*.

Относительно семантики глаголов с префиксом *ǰ-* в коттском языке мы уже говорили выше: это, как правило, глаголы состояния (в большинстве своем обозначающие непроизвольно совершаемое действие), в которых с формальной точки зрения упор делается на противопоставлении пациенса класса вещей и одушевленного пациенса (в первом случае префикс *ǰ-* заменяется на показатель объекта *b-*).

Коттское начальное *ǰ*, бесспорно, восходит к праенисейскому **j*. Это подтверждается также аринским, где начальное **j* регулярно выпадает; ср. ар. *ǰǰiḡḡḡ* 'я плачу' — кот. *ǰǰeḡḡḡ* *id.* Факт выпадения *ǰ* в претерите исторически можно объяснить следующим образом: **ǰǰaḡḡḡ* 'я лаю' > претерит **ǰǰaḡḡḡ* > *ǰaḡḡḡ*, т. е. это на самом деле результат упрощения сочетания двух сонантов.

Заметим сразу же, что в коттском и показатель "квази-объектива" *ǰ*, и показатели кореферентного объекта ставятся после показателя претерита, а не перед ним, как в стандартном случае. Это еще один аргумент в пользу того, что эти показатели были инкорпорированы в глагольную структуру раньше, чем прочие объектные.

Можно заметить, что функционально коттскому показателю *ǰ* ближе всего соответствует в кетском показатель *-s-*. В самом деле: в обоих языках оба показателя стоят в одной и той же позиции, в обоих они могут вытесняться показателем **w*, в обоих языках выпадают в

претерите и императиве. Возникает вопрос: нельзя ли возвести обе эти морфемы к общему праенисейскому архетипу?

Формально у нас нет других случаев соответствия коттского \acute{d} кетскому s , следовательно, мы не имеем права непосредственно сравнивать эти две морфемы. Однако нужно заметить, что в некоторых случаях кетская морфема $-s-$ имеет алломорф $-j-$, прежде всего в одноактантных простых глаголах с агентивными показателями. В большинстве современных кетских говоров этот показатель либо выпал, либо слился с предшествующим гласным. Однако в более ранних записях, прежде всего записях А. П. Дульзона, мы часто находим такие формы: ди-й-фынг 'я пухну' (ярцевский говор), ди-й-тыр 'я мерзну' (вороговский диалект), etc. Систематически йот сохранился перед начальным увулярным корнем, ср. в записях Е. А. Крейновича, подтвержденных экспедицией РГГУ: ди- j -цо 'я умираю', ди- j -гут 'я шаманю', etc.

Последний глагол представляет для нас особенный интерес, поскольку он напрямую соответствует коттскому \acute{d} -а-ха- j -аг 'я умираю', в котором представлен показатель \acute{d} .

Объяснение морфологического чередования s/j в кетском языке прежде всего связано с тем, что все случаи, в которых в современном языке мы встречаем йот (сохранившийся или же выпавший), восходят к глаголам, которые начинались с этого йота (поскольку, как было замечено, агентивные показатели в кетском имеют позднее клитическое происхождение). В этих случаях начальный $*j-$ сохранился и подвергся дальнейшим изменениям лишь после присоединения агентивных показателей, обусловивших его ослабление и выпадение.

В прочих случаях, т. е. когда глагол начинается с преверба или модификатора (см. ниже), йот, оказавшийся в инлаутной позиции уже на ранних этапах развития, оглушился и перешел в $-s-$ (по-видимому, через ступень "среднеязычный палатальный глухой" — "переднеязычный палатальный глухой"; заметим, что в большинстве говоров фонема $-s-$ в этой позиции палатальная).

Таким образом, относительная хронология изменения праенисейского $*(-)j-$ в кетском такова: а) переход инлаутного $-j-$ в $-s-$ во всех позициях, вызванный, вероятно, ассимиляцией с окружающими согласными и аналогическими преобразованиями; б) присоединение к словоформе агентивных показателей; в) образование "нового" инлаутного $-j-$ (между корнем и агентивными показателями); г) уже сравнительно недавно — ослабление и выпадение или слияние "нового"

инлаутного -j- с предшествующим гласным во всех окружениях, кроме последующего увулярного.

Картина осложняется тем, что в стандартном случае праенисейское *j- соответствует кетскому 0-, ср. *jita 'мышь' — кет. it, *jēre 'лист' — кет. ē. Мы должны, следовательно, предполагать, что этот переход произошел уже после присоединения агентивных показателей, т. е. когда j- как морфема уже был "защищен" от полного выпадения.

В результате получается довольно сложная ситуация, не все моменты которой можно назвать абсолютно ясными. Следует, однако, заметить, что факт несомненного генетического тождества кетского s/j и коттского d- можно считать неоспоримым.

Каково предполагаемое значение устанавливаемого нами праенисейского форманта *j?

По-видимому, правильнее было бы приписать ему значение, остатки которого сохранились в коттском, а именно — действия, непроизвольно совершаемого субъектом над собой, т. е. определенного вида рефлексива. В кетском произошла утрата показателем своей первоначальной функции, а в дальнейшем, вероятно, в результате контаминации с маркером спряжения -s- (см. 2.4.2), — переинтерпретация его как показателя непереходности действия.

Наконец, еще один вид парадигм, явно восходящий к праенисейскому состоянию, представляют собой коттские кореферентные парадигмы. Генетически они соответствуют кетским глаголам с кореферентным объективом, хотя формальное сходство замечается и не сразу. Основной причиной этого, несомненно, является замена в кетском кореферентного показателя -i- на соответствующие показатели первого и второго лица объектива. Однако в третьем лице кетский, как и коттский, в а-спряжении сохранил исходный j. Ср. кот. d̄-a-u-pan 'он/она сядет' — кет. d-k-a-j-a-ēp 'он-сядет'. Скорее всего, что кот. -a- в этом случае родственно кетскому -a- как показателю обращенности действия на его носителя.

В i-спряжении j перешел в s, вероятно, по вышеописанным причинам; тем любопытнее сохранение его в глаголах а-спряжения, объяснить которое мы пока не в состоянии.

Во мн. ч. первоначально, по-видимому, в позиции объекта был представлен тот же показатель -i- — ситуация, сохранившаяся в коттском "пассиве" (имеются в виду прежде всего первое и второе лица). Ср. a-l-i-kīt-aŋ 'я обмазан' — a-l-i-kī-n-toŋ 'мы обмазаны' (с развитием

витиём $k\bar{i}t-n-toŋ > k\bar{i}-n-toŋ$). Однако возможен и другой вариант, когда в позиции объекта представлен обычный показатель объекта $oŋ$ -, ср. $i-g-ej-aŋ$ 'я рождаюсь' — $oŋ-ej-aŋ-toŋ$ 'мы рождаемся'. Этот вариант, в общем, представлен также в кетском (хотя один показатель $oŋ$ там разделен на два — $daŋ$ для первого лица и $kaŋ$ для второго). Не совсем ясно, какой из двух вариантов следует предпочесть для реконструкции. С одной стороны, вариант с $oŋ$ - и другими объектными показателями представлен и в коттском, и в кетском, что как бы показывает его исходность. С другой стороны, и там и там исконное $*i$ могло исчезнуть под действием аналогии, точно так же, как оно исчезло в кетском в единственном числе. К тому же, исходя из того, что мы постулировали относительно возникновения в праенисейском объектных показателей (т. е. из их вторичности), мы все же предпочитаем реконструировать для праенисейского состояния вариант, используемый в коттском "пассиве".

В третьем лице мн. ч. ситуация проще: в праенисейском был несомненно представлен комплекс $j-a-ŋ$, сохранившийся в коттском в виде $daŋ$ и в кетском в виде $jaŋ/šaŋ$. Таким образом, спряжение праенисейского глагола $*raŋ$ 'сидеть', вероятно, выглядело следующим образом:

| | |
|-------------------------|-------------|
| $*i-g-raŋ-ŋ$ | 'я-сизжу' |
| $*i-g-raŋ-ku$ | 'ты-сидишь' |
| $*j-a-g-raŋ-a$ | 'он-сидит' |
| $*j-a-g-raŋ-i$ | 'она-сидит' |
| $*i-g-raŋ-n-daŋ$ | 'мы-сидим' |
| $*i-g-raŋ-n-oŋ$ | 'вы-сидите' |
| $*j-a-ŋ-g-raŋ-n-[d-aŋ]$ | 'они-сидят' |

Эта гипотетическая парадигма не претендует на статус точной реконструкции, но может хотя бы приблизительно проиллюстрировать устройство праенисейской глагольной словоформы. Элемент $-g$ -мы условно возводим к праенисейскому уровню; по всей видимости, это преверб, вероятно, сохраненный в кетском k - (ср. $k-a-di-əŋ$ 'я-сизжу') и присутствующий в соответствующей коттской парадигме.

Что касается морфем i и j , то они, как нам представляется, восходят к одной и той же морфеме j/i , представленной в консонантной форме перед гласным и в вокалической — перед согласным.

Таким образом, мы видим, что, в то время как объектное спряжение в праенисейском было еще недостаточно оформлено, согласование с кореферентным объектом было вполне нормальным явлением. Это заставляет нас предполагать, что реконструируемый *j* в своем исходном значении являлся не личным показателем, а показателем рефлексива, что согласуется и с его ролью в "йотированных" глаголах, разобранных выше: действие, формально исходящее от самого субъекта и замкнутое на нем же. Мы не вправе сравнивать два типа разобранных парадигм (кореферентных и с показателем **j*-), поскольку это выходит за рамки реконструкции праенисейской системы, однако нельзя не увидеть определенного сходства обоих этих типов вплоть до сегментного совпадения основной морфемы — **j* и в первом, и во втором случае.

2.3.5. Итак, резюмируя все вышесказанное, мы можем утверждать, что праенисейские личные показатели состояли из следующих:

а) **Субъектные** показатели, развившиеся в основном из косвенных форм местоимений и имевшие клитический характер. Им соответствуют: в коттском стандартные субъектные показатели, в аринском — субъектные показатели. В кетском этот ряд бесследно исчез.

б) **Исходные** (доенисейские?) **объектные** показатели (**w*, **t*, возможно, также **k*). Происхождение их неясно. Соответствия: в коттском — показатель объекта *b*- и "каузативный" элемент *-th*-; в кетском — показатель объектива *b*, дативные детерминативы *k*, *t*.

в) Собственно **объектные** показатели, практически совпадающие по форме с субъектными. Несмотря на их привязанность к словоформе, в праенисейском они, по-видимому, были еще не обязательны. Им соответствуют: в коттском — стандартные объектные показатели, в кетском — дативные показатели.

г) **Предикативные суффиксы**, происхождение которых ясно не во всех случаях, хотя вероятнее всего, они развились из прямых форм личных местоимений. Функция их в праенисейском была очень разнообразной, но прежде всего, по-видимому, совпадала с функцией предикативных суффиксов в современном кетском. Им соответствуют: в коттском — предикативные суффиксы, в кетском — предикативные суффиксы и показатели агента, частично также объектива.

д) "**Квази-объектив**" **j* (название дано исключительно по аналогии с соответствующим кетским показателем), обозначавший непро-

извольность действия. Соответствия: в коттском — \acute{d} , в кетском, по-видимому, s/j .

е) **Кореферентный объект**, или, скорее, **рефлексив** $*i/*j$, соответствующий коттскому i/\acute{d} и кетскому $-j/-s-$. В третьем лице он сочетался с морфемой $-a-$, ср. кот. $\acute{d}-a-$, кет. $-j-a/-s-a-$.

2.3.6. Эволюция кетской системы.

Данный вопрос требует особого рассмотрения, поскольку при вышеизложенном подходе к праенисейской системе личных показателей современная кетская система представляется чрезвычайно инновационной. Основные ее инновации заключаются в следующем:

1) Отпадение конечных субъектных показателей. Об этом уже было сказано выше; при этом, как было замечено, это отпадение имплицировалось не какими-либо фонетическими причинами (редукция, слабое произношение конечного слога, etc.), а клитическим характером показателей, относительно слабо связанных с "телом" словоформы еще в праенисейском состоянии.

2) Формирование новых субъектных (агентивных) показателей на основе праенисейских предикативных суффиксов. Подобный процесс довольно легко представить себе, учитывая опять-таки клитический характер предикативных суффиксов и "полуклитический" характер агентивных показателей в современном кетском (в частности, их способность в определенных фонетических контекстах "отходить" к предыдущему слову). Сам факт такого перехода неопровержимо доказывается почти полным совпадением в кетском сегментного состава предикативных суффиксов и агентивных показателей.

Эти два пункта в какой-то степени можно попытаться оспорить, противопоставив им противоположное утверждение о вторичности коттских субъектных показателей и исконности кетского агентива, наоборот, бесследно утраченного в коттском. Данная теория, однако, опровергается следующими аргументами:

а) Показатели кетского агентива имеют клитический характер, т. е. не составляют со словоформой тесного единства. В случае их первичности мы бы ожидали полное слияние их со словоформой.

б) Требуется объяснить происхождение коттских субъектных показателей. Единственный источник их возникновения — показатели объекта; однако не следует забывать, что субъектные и объектные показатели в коттском не полностью совпадают (ср. такие формы, как

третье лицо ед. ч. и — особенно — первое лицо мн.ч.), в то время как в кетском мы наблюдаем полное совпадение предикативных суффиксов и показателей агента.

в) Сама по себе идея формирования нового ряда субъектных показателей на основе старого ряда объектных выглядит гораздо более странно, нежели формирование ряда субъектных показателей из предикативных суффиксов, функции которых почти совпадают.

г) Наконец, коттская система субъектных показателей по крайней мере частично совпадает с аринской в противовес кетской.

Эти и некоторые менее важные соображения заставляют нас считать более архаичной коттскую систему.

3) Формирование нового ряда показателей объекта. Происхождение кетского объектива, по-видимому, связано с постепенным переосмыслением старых показателей объекта как показателей косвенного объекта (датива). Формирование объективного ряда опирается на показатель класса вещей -b-, унаследованного от праенисейского, но формально, как мы знаем, отличавшегося от прочих объектных показателей позицией (всегда в анлауте простых глаголов), нетребуемостью "подставки" (*k или *t) и рядом других особенностей. В кетском в определенный момент времени наравне с этим показателем стали употребляться и другие, уточняющие лицо и пол объекта.

Что касается сегментного состава нового ряда, то здесь следует заметить, что его характер смешанный: так, показатели третьего лица -ai -i-, несомненно, взяты из "старых" показателей объекта, в то время как показатели первого, возможно, также второго, взяты из соответствующих предикативных суффиксов. Это может указывать на постепенное "укомплектование" объективного ряда, сперва ограниченного третьим лицом, а затем расширенного до полного объема.

Кетский объектив, по всей видимости, представляет собой инновацию ввиду полного совпадения его сегментного состава с составом других рядов, равно как и отсутствия каких-либо соответствий в коттском. Обратное утверждение — архаичность кетского объектива и его утрата в коттском — кажется нам менее вероятным по ряду соображений. Впрочем, окончательное решение по этому вопросу вынести довольно затруднительно.

4) Модификация показателей кореферентного объектива по аналогии с некорреферентным объективом (см. 2.3.4).

5) Создание нового подряда — кореферентного датива. Речь идет о

показателе третьего лица *-bu-*, не имеющего соответствия в коттском языке. Не исключено, впрочем, что соответствующий аффикс присутствовал уже в праенисейском, но был утерян (или не зафиксирован) в коттском.

2.3.7. Соотнесение праенисейских личных показателей с местоимениями.

Как было сказано выше, в общем виде праенисейские субъектно-объектные показатели соотносятся с косвенными, а предикативные суффиксы — с прямыми формами соответствующих личных местоимений. Тем не менее, существуют и некоторые довольно значительные расхождения, о которых следует упомянуть.

Наиболее четко это прослеживается в первом лице ед. ч.: праенисейские **-ŋ* и **-ʒV* в качестве личных показателей непосредственно совпадают с формами местоимения первого лица **b-/ŋ* и **ʒaʒ*.

Во втором лице различие утрачивается, поскольку как в кетском, так и в коттском произошла унификация местоименной парадигмы, в кетском — по косвенной основе, в коттском — по прямой.

В третьем лице, как можно заметить, в праенисейском, помимо реконструированных выше форм **wV* и **du*, **də*, существовали также местоименные формы **a* и **i*. Помимо этого, в коттском мы имеем формы *ɟju* 'он' и *ɟja* 'она', из которых можно выделить дифференцирующие элементы *u* и *a*, которые, в свою очередь, хотелось бы сопоставить с соответствующими вокалическими элементами в праенисейских **du* и **də* > кот. *-tu*, *-ta*.

Мы, таким образом, уже на праенисейском уровне имеем весьма значительный набор дейктических элементов, статус и функция которых не вполне ясны. Перечислим их еще раз:

а) **wV* — кет. *bu-*, ар. *au*, возможно, асс. *ba-ri*;

б) **a*, **i* — кет. объективные и дативные показатели *a*, *i*, кот. объектные показатели *a*, *i*; ср. также кот. косвенные формы местоимения третьего лица *ɟju-a-*, *ɟja-i-*;

в) **u*, **ə* — в составе праенисейских **du*, **də* — кет. *du*, *də*, кот. *-tu*, *-ta*, а также кот. *ɟj-u*, *ɟj-a*.

Совершенно очевидно, что при таком разбросе и столь малом количестве языков полностью удовлетворительное описание праенисейских форм третьего лица практически невыполнимо.

Исходя из принципа отождествления "косвенная форма — субъ-

ектный показатель" и "прямая форма — предикативный суффикс", мы вынуждены будем признать наличие в определенный период времени в праенисейском "побочной" косвенной основы $*a/*i$ и возможность форм $*du$ и $*d\bar{a}$ выполнять функции прямой основы соответствующего местоимения третьего лица. Доказать это каким-либо иным путем представляется нам на настоящий момент неосуществимым.

Таким образом, мы не можем поручиться за непосредственную корреляцию реконструируемых нами личных показателей третьего лица с соответствующими формами личных местоимений. Этот вопрос еще требует доработки.

Показатели множественного числа в подавляющем большинстве случаев совпадают между собой. Так, в кетском во множественном числе показатели датива и объектива абсолютно тождественны (специальных показателей мн. ч. агентива, как мы знаем, в кетском нет). В коттском различие заключается в первом лице мн. ч. объекта $o\eta$ при предикативном суффиксе $to\eta$ (заметим, однако, что субъект в коттском все же имеет показатель $to\eta$) и в нулевом показателе третьего лица субъекта при предикативном суффиксе $a\eta$ (последнее вообще ни о чем не говорит, поскольку в коттском в субъектных показателях третьего лица произошла унификация по числу; ср. также объектный показатель третьего лица $a\eta$). Это, несомненно, связано с отсутствием в праенисейском специальных косвенных форм для множественного числа местоимений (т. е. прямые и косвенные формы в этих случаях совпадают).

Настоящую загадку представляет собой показатель первого лица мн. ч. Коттское $-to\eta$, представленное как среди показателей субъекта, так и в ряду предикативных суффиксов, может восходить только к $*dV\eta$, в то время как кетскую форму $d\bar{a}\eta$ мы можем интерпретировать и как происходящую из $*zV\eta$. В последнем случае мы получаем прямую корреляцию с соответствующей формой ед. ч. — $*zV$. Однако в коттском фонема $*z$ в данной позиции исключена, поскольку в интервокале $*z$ переходит в j (ср. $a\eta$ 'мы' < $*?az\eta$).

Единственное, что мы можем предположить в данном случае, чтобы не допустить постулирования совершенно неясного форманта $*d$ в первом лице — нерегулярное развитие $*z > t$ в коттском, объясняя его следующим образом. Если мы принимаем гипотезу о клитическом статусе праенисейских предикативных суффиксов, то не ис-

ключено, что первоначальное развитие формы первого лица мн.ч. было регулярным: *ʒəŋ перешло в *dəŋ. Впоследствии, благодаря факторам частотности форм, ассимиляции с предшествующим согласным и аналогизации dəŋ перешло в toŋ. Данное объяснение практически недоказуемо, но с его помощью можно избежать постулирования праенисейского показателя *dʲəŋ, ни в коей мере не согласующегося с соответствующей формой ед. ч.

Что касается форм второго и третьего лиц мн. ч., то они просто представляют собой соответствующие формы ед. ч. с присоединенным показателем мн. ч. -ŋ (при этом во втором лице, как и в соответствующих формах ед. ч., в кетском произошла унификация по косвенной основе, а в коттском — по прямой).

Для наглядности приведем все это еще раз в виде таблицы:

Праенисейские местоименные показатели

| Форма | Прямая основа | Предикат. суффиксы | Косвенная основа | Субъектные показатели |
|------------------|---------------|--------------------|------------------|-----------------------|
| 1-е л. ед. ч. | *ʔaʒ | *ʒV | *b-/*-ŋ | *-ŋ |
| 2-е л. ед. ч. | *ʔaw | *u | *kV | *-[k]u |
| 3-е л. ед. ч. м. | *wV,*uʔ | *du | *du,*a | *-a |
| 3-е л. ед. ч. ж. | *wV,*əʔ | *də | *də,*i | *-i |
| 1-е л. мн. ч. | *ʔaʒəŋ | *ʒəŋ | -- | *-ʒəŋ |
| 2-е л. мн. ч. | *ʔawoŋ | *oŋ | -- | *-[k]oŋ |
| 3-е л. мн. ч. | *wVŋ,*aŋʔ | *aŋ | -- | *-aŋ |

Материал этой таблицы, по мнению автора, вполне убедительно свидетельствует о верности гипотезы о происхождении личных показателей глагола.

2.4. Реконструкция праенисейских показателей времени и наклонения.

2.4.1. Реконструкция показателей претерита. Претеритный комплекс. Наибольшее разнообразие показателей претерита мы наблюдаем в коттском (четыре продуктивных при двух кетско-югских), поэтому анализ будет основываться прежде всего на этих четырех формах.

Коттскому показателю -n- непосредственно соответствует кетско-югское -n-; на основании этого соответствия можно реконструировать праенисейское *-n-.

Коттскому показателю -l- соответствует кетское -l-, югское -r-; на основании этого соответствия можно реконструировать праенисейское *r₁ (по-видимому, одноударное r — см. Старостин 1982).

Что касается коттского -r-, то однозначных соответствий в кетско-югском ему не находится. Более того: практически нет словоформ, содержащих этот показатель, которые бы однозначно отождествлялись с соответствующими кетскими словоформами, т. е. мы не можем найти точное соответствие этому показателю вообще.

Относительно потенциального возведения коттского -r- к какому-либо самостоятельному праенисейскому показателю можно сказать следующее. Если этот показатель действительно архаичен, мы бы ожидали в кетско-югском его фонетическое слияние с показателем -l-, поскольку инвентарь основных показателей там состоит лишь из -l- и -n-. Между тем, мы имеем следующие соответствия:

- *r — кет. l — юг. l — кот. r;
- *l — кет. l — юг. l — кот. l;
- *r₁ — кет. l — юг. r — кот. l;
- *r̄ — кет. l̄ — юг. l-/r — кот. d̄-/j;
- *l̄ — кет. l̄ — юг. l̄ — кот. l.

Как видно, ни одно из этих соответствий не удовлетворяет предлагаемому (кет. l — юг. r — кот. r). Из этого можно сделать тот вывод, что коттскому показателю -r- в кетско-югском не соответствует ничего, и, следовательно, он либо является коттской инновацией, либо полностью вытеснен в кетско-югском другими показателями. Из-за недостатка материала мы не в состоянии вынести какое-либо окончательное решение, так что данный вопрос остается на настоящее время без ответа.

Мы можем, однако, с уверенностью заявить о том, что первоначальное различие между показателями *r₁ и *n заключалось в их видовой противопоставленности, при этом показатель *r₁, по-видимому, означал длительность или незавершенность действия, в то время как показатель *n служил для выражения единичности действия или же его законченности.

Данная идея была впервые высказана Р. С. Гайер (Гайер 1980) и активно поддержана Г. К. Вернером (Вернер 1990). Мы можем крат-

це резюмировать все аргументы в ее пользу следующим образом.

1) Судя по тому, что показатели -l- и -n- присутствуют также и в императиве, они не могут являться ничем иным, как исконными показателями вида.

2) По утверждению Г. К. Вернера, в некоторых югских формах до сих пор сохранилось данное противопоставление, е. g. boonde 'я ушел' — boorde 'я шел'; bouṇin 'меня унесло' — bouṛin 'меня несло' (течением).

3) В собственно кетском (имбатском) языке подавляющее большинство глаголов так называемого многократного способа действия образуют претерит с помощью показателя -l-, в то время как глаголы однократного способа действия могут иметь как тот, так и другой показатель (первоначально, по-видимому, отражая противопоставление по завершенности — незавершенности действия, в то время как для глаголов многократного способа действия важнее отразить длительный его характер). Примеры см. в Крейнович 1968.

4) Противопоставление -l- и -n- отчетливо видно при противопоставлении соответствующих динамических и статических глаголов. Ср. ba-k-b-i-l-ta 'на мне это было надето' — d-ba-k-i-m-to < *d-ba-k-i-b-n-to 'я это надел'; aṅ-k-i-b-i-l-ta 'это висело' — d-aṅk-i-m-to < *daṅ-k-i-b-n-to 'я это повесил'.

Вместе с тем нельзя говорить о том, что в современном кетском языке данное видовое противопоставление реально сохранилось. Вышеперечисленные случаи представляют собой в определенной степени архаизмы, оставшиеся от праенисейской системы. В большинстве случаев видовое значение глагола нельзя определить, исходя из его семантики. Так, непонятно, почему глагол 'лететь' имеет n-претерит (d-i-n-doq), а глагол 'шаманить' — l-претерит (d-i-l-qut).

Еще сложнее говорить о противопоставлении этих показателей в коттском. Имеющийся материал настолько мал, что о доскональном изучении их поведения не может быть и речи.

Вследствие этого мы вынуждены признать, что в кетском и коттском языках первоначальные видовые показатели *r₁ и *n утратили свою функцию, оставшись лишь в функции маркеров претерита (и императива). Вероятно, функции их были отчасти стерты уже в праенисейском.

К этим двум показателям, которые несомненно должны быть реконструированы для праенисейского состояния, можно добавить

также показатель *j. Несмотря на его крайнюю редкость в кетском (в то время как в коттском он встречается еще довольно часто), это действительно архаичный показатель претерита, что доказывается, в частности, следующим примером: кет. d-at-b-aq 'я налью', прет. d-at-b-ij-aq — кот. at-p-ak-ŋ 'я налью', прет. at-p-i-ak-ŋ.

К сожалению, мы не можем сказать ничего относительно функционального соотношения праенисейского *j с праенисейским *r и *n. Как мы убедились, для выяснения семантики показателей годятся лишь кетские данные, в то время как именно в кетском этот показатель почти исчез, оставшись лишь в нескольких архаичных парадигмах.

Здесь же представляется необходимым сказать о стандартном способе образования претеритной словоформы в праенисейском. Из тщательного сравнения кетских и коттских данных, в частности, вытекает, что собственно показатель претерита был не единственной обязательной частью такой словоформы.

По всей видимости, идею прошедшего времени в словоформе выражало специальное соединение трех (реже двух) морфем, которое мы условно будем называть претеритный комплекс. Этот комплекс обладал следующими компонентами:

- а) маркер спряжения, представленный соответствующим алломорфом (см. 2.4.2);
- б) собственно показатель претерита — *r, *n, *j;
- в) специальный претеритный гласный, восстанавливаемый в виде *a и отделявший показатель претерита от корня.

Претеритный гласный хорошо сохранился в коттском языке (e.g. [ā-n-a]-thiaŋ 'я бил', [ō-l-a]-fiaŋ 'я погасил'; претеритный и императивный комплексы мы будем в дальнейшем заключать в квадратные скобки), за исключением некоторых фонетических контекстов (так, он иногда выпадает после начального o-n-: [o-n]-xaŋ 'он умер', [o-n]-šētaŋ 'я отпустил').

В современном кетском языке претеритный гласный бесследно исчез. Однако в записях М. А. Кастрена (а также в некоторых из записей А. П. Дульзона) мы еще усматриваем этот гласный в довольно большом количестве парадигм: sagabet 'я говорю' — sagorebet 'я говорил', deŋārti 'я царапаю' — deŋābīleti 'я царапал' (исходное качество гласного затемнено либо неточными записями, либо редукцией, либо же ассимиляцией с гласным последующего слога).

Впрочем, даже если бы мы не имели этих записей, можно было бы с уверенностью говорить об архаичном характере претеритного гласного, во-первых, потому, что кетский известен своей склонностью к полному редуцированию и утрате инлаутных гласных, во-вторых — из-за системных соображений, связанных с императивным комплексом (см. 2.4.3).

2.4.2. Проблема маркеров спряжения.

Вероятно, эта проблема едва ли не самая сложная и запутанная во всей реконструкции. Прийти к какому-либо определенному решению по поводу праенисейских маркеров спряжения до сих пор не удается, и причина этого прежде всего в почти полном отсутствии кетско-коттских соответствий.

Как уже было сказано, как в кетском, так и в коттском выделяются два основных типа спряжения: а-спряжение и і-спряжение в кетском, и а-спряжение и о-спряжение, плюс некоторое ʒ-спряжение в коттском. По поводу этих спряжений можно заметить следующее:

1) Коттское а-спряжение, по всей видимости, соответствует кетскому а-спряжению. Это доказывается, в частности, их идентичным поведением в претерите, где маркер а переходит в о (в кетском — регулярно, в коттском — в большом количестве случаев).

2) Никаких следов коттского о-спряжения в кетском не обнаружено, т. е. маркер о, в принципе, никогда не появляется в презенсе. Нескольким коттским глаголам о-спряжения, обнаруживающих соответствия в кетском, там соответствуют глаголы а-спряжения или і-спряжения.

3) То же самое можно сказать и об і-спряжении: никаких подобных маркеров в коттском не обнаружено. Большому количеству кетских глаголов і-спряжения соответствуют коттские глаголы а- или о-спряжения.

4) Что касается коттского ʒ-спряжения, то у нас есть несколько случаев соответствия его кетскому і-спряжению, самый хороший из которых выглядит следующим образом: кет. d-ba-t-s-i-bil 'он меня догонит' — кот. tha-ʒ-a-pil-aŋ 'я догоню'.

Мы можем, таким образом, представить наши предварительные результаты в следующей таблице:

| | | |
|---------------|---------------|---------------|
| Кетский | Коттский | Праенисейский |
| а-спряжение | а/о-спряжение | *а-спряжение |
| і-спряжение | а/о-спряжение | *??? |
| і-спряжение | š-спряжение | *?-спряжение |
| і/а-спряжение | о-спряжение | *??? |

Как видно, таблица соответствий довольно пестрая. Выйти из положения мы можем лишь при том условии, что допустим возможность довольно частого перехода глаголов из одного типа спряжения в другой, что, в общем, вполне естественно. В таком случае можно будет условно постулировать два основных типа соответствий: кет. а-спряжение/кот. а-спряжение и кет. і-спряжение/кот. š-спряжение.

Что касается второго соответствия, то в нем на самом деле нет ничего удивительного, если учесть, что в большинстве кетских глаголов і-спряжения присутствует и показатель -s-, т. е. і-спряжение в кетском можно было бы даже называть іs-спряжением, если бы не существовало некоторых определенных морфонологических контекстов, в которых -s- в і-спряжении опускается.

Если это на самом деле так, то гласный -і- в кетском исторически является не показателем спряжения, а просто соединительным гласным. Впоследствии, когда маркер спряжения -s- в большом количестве случаев исчез, а также, вероятно, контаминировал с "квази-объективом" -s-/j- (см. выше), его роль перешла к гласному -і-.

Еще одна проблема связана с коттским о-спряжением. Здесь мы не можем сказать ничего определенного, однако можно предположить, что на самом деле о-спряжение в коттском вторично и развилось из аналогического переноса показателя -о- из претерита в соответствующие формы презенса. К этому могли примешиваться и другие факторы, в частности, фонетические: так, в большом количестве случаев показатель -о- присоединяется к последующему губному согласному, что может свидетельствовать о вторичной ассимиляции по признаку лабиализованности: \bar{o} -paŋ 'я пью', \bar{o} -fūjaŋ 'я плету', \bar{o} -fiaŋ 'я погашу', также к предшествующему превербу f-: f- \bar{o} -tekŋ 'я стреляю', f- \bar{o} tākŋ 'я подпоясываюсь', etc. Есть, однако, и противоречащие этому примеры, e.g. \bar{a} -rējaŋ 'я охочусь' и др.

Мы можем, таким образом, выделить в праенисейском два основных типа спряжения: *а-спряжение и *s-спряжение, представленные в презенсе соответственно алломорфами *а и *s, а в претерите —

*o и *0. Не исключено, однако, наличие в праенисейском и других типов спряжения, прежде всего, типа, соответствующего коттскому o-спряжению.

2.4.3. Реконструкция праенисейского императива.

Как легко заметить, правила образования императива в кетском и коттском практически идентичны. Для праенисейского уровня их можно сформулировать следующим образом:

- 1) Подстановка в формы императива соответствующих показателей претерита (вида) *r, *n, *j.
- 2) Отсечение конечных показателей субъекта.
- 3) Отсечение объектного показателя *w-.
- 4) Маркер а-спряжения представлен в виде *a; маркер s-спряжения представлен в нулевом варианте.

Помимо этого, в праенисейском императиве перед корнями, начинающимися с гласной, регулярно появлялся специальный формант, представленный в кетском в виде d и в коттском в виде ċ; согласно регулярным фонетическим соответствиям, мы можем восстановить его в виде *ž. Мы не беремся судить об истинной функции этого показателя (является ли он действительно эвфоническим элементом или же исконным показателем императива), но это и не входит в нашу задачу, поскольку совершенно очевидно, что в праенисейском он имел точно такие же функции, что и в современных кетском и коттском языках.

Сочетание маркера а-спряжения с показателем вида мы условно называем императивным комплексом, противопоставляя его таким образом претеритному комплексу. Данное противопоставление играет очень большую роль. Так, в коттском в некоторых случаях формальное различие соответствующих форм претерита и императива иногда происходит исключительно благодаря "трехфонемности" претеритного комплекса и "двухфонемности" императивного, ср. *thalpil* 'он достиг', но *thalpil* 'достигни'.

2.5. Проблема праенисейского пассива.

Сопоставив между собой кетские и коттские формы, мы можем реконструировать для праенисейского специальный тип спряжения, обладающий следующими признаками: а) присоединение показателей кореферентного объекта; б) суффиксация показателя *-j (соот-

ветствие: кетское -j — коттское -i; Г. К. Вернер сравнивал коттское -i с конечным -i в морфеме pi 'делать(ся), но это явно ошибочно).

Значение этого типа спряжения, по всей видимости, заключалось в подчеркивании статичного характера действия и было ориентировано не столько на подчеркивание пассивности объекта действия, сколько на подчеркивание пребывания его в том или ином состоянии. Таким образом, в то время как обычные формы с кореферентным объектом означали динамический характер действия, присоединение к ним показателя *-j придавало им статичный характер.

2.6. Общая структура словоформы. Типы глаголов.

В большинстве исследований по кетскому языку неуклонно проводится идея, что кетские сложные глаголы образовались вторично из простых. Е. А. Крейнович даже приводит некоторую историческую схему образования всех типов кетских глаголов (Крейнович 1968: 281). Сложные глаголы, таким образом, с исторической точки зрения стали имплицитно рассматриваться как сравнительно недавние новообразования, противопоставленные "глаголам с основой в конце слова", т. е. простым, как наиболее архаичному и развитому типу.

Разумеется, в этом утверждении есть свой резон, поскольку невозможно представить себе, чтобы в енисейских языках простые глаголы исторически развились из сложных. Вопрос заключается в том, к какому времени относить "зарождение" сложных, т. е. двух- и более основных глаголов в кетском языке.

Мы провели детальный анализ всех имеющихся в нашем распоряжении кетских и коттских глагольных парадигм, относящихся к сложным глаголам, и на основании этого сравнения можем заявить, что сложные глаголы, безусловно, присутствовали уже на праенисейском уровне, и, более того, представляли собой не какое-либо "зародышевое" состояние, а довольно четкую систему, с продуктивными ядерными типами.

То же самое можно сказать и о превербном типе глаголов. Класс превербов хорошо выделяется как в кетском, так и в коттском, и можно провести несколько довольно четких отождествлений.

Это значит, что все основные структурные модели кетского и коттского языков на самом деле весьма архаичны. Мы можем даже предполагать, что некоторые из ныне десемантизированных кетских превербов и "вторых основ" были десемантизированы уже на прае-

нисейском уровне, хотя это предположение и недоказуемо.

Рассмотрим более подробно оба "производных" типа праенисейских глаголов, т. е. глаголы превербные и двух- и более основные (как в кетском, так и в коттском, согласно принятой нами терминологии, такие глаголы мы будем называть модификаторными, при этом их первая основа, несущая основное лексическое значение, будет называться модификатором, а вторая, собственно глагольный корень, иногда десемантизированный, от которого непосредственно зависят все грамматические морфемы, — ядром словоформы).

2.6.1. Превербы.

Система праенисейских превербов представляется нам в следующем виде:

А) Превербы, относительно которых нет никаких сомнений:

*k- — кот. h-, кет. k-;

*p- — кот. f-, кет. h-;

*t- — кот. th-, кет. t-;

Б) "Потенциальные" превербы:

*ʒ- — кот. d̄-, кет. d-;

*č- — кет. t-, юг. č- (кот. č-?).

"Потенциальными" последние два преверба мы называем потому, что они встречаются редко (č- в коттском встречается один раз, d̄- в кетском также довольно редко); d̄- в коттском встречается немного чаще, но надежных соответствий между коттским и кетским нет.

Преверб *č- для праенисейского реконструируется также на основании имбатско-сымского сопоставления (ср. кет. d-t-a-j-gä 'я-иду' — юг. čajge, кет. d-t-aj-doq 'я-лечу' — юг. čajдох).

К сожалению, даже для случаев с превербами *k-, *p-, *t коттско-кетские параллели насчитываются единицами. Вот основные примеры:

а) Преверб *p-.

кет. d-h-a-d-tas 'я-встану' — кот. f-a-l-taj-aŋ 'я встал' (презент в коттском образуется по другому типу — fatagākŋ 'я встану'). Что касается корня, то, хотя с ауслаутным согласным могут возникнуть затруднения (нет случаев соответствия кет. -s — кот. -j), сравнение, тем не менее, представляется вполне надежным. Конечный же элемент в кетском, возможно, суффиксального происхождения.

кет. d-h-a-b-daŋ 'я-стреляю' — кот. f-o-tek-ŋ 'я-стреляю'. Сравнение

вполне надежно.

б) Преверб *k-.

кет. di-k-a-qt 'я-поднимусь-в-гору' — кот. heʔūtaŋ 'я-залезу'. Изначально здесь был, по-видимому, представлен корень с начальным увулярным *χut 'лезть, подниматься'.

кет. ba-k-i-s-sal 'я-переночую' — кот. ha-čagal 'ночевать'.

в) Преверб *t-.

кет. d-ba-t-uŋ 'он-меня-видит' — кот. thāŋaŋ 'я-вижу'.

кет. d-ba-s-s-i-bil 'он-меня-догонит' < *d-ba-t-s-i-bil, ср. претерит d-ba-t-n-i-bil — кот. tha-pil 'догонять'.

Кетско-коттские совпадения на этом исчерпываются. Однако и такого количества примеров в общем достаточно для того, чтобы надежно реконструировать эти превербы в качестве праенисейских.

Праенисейский преверб *ʒ реконструируется нами чисто условно. Поскольку в кетском довольно часто встречается преверб d-, а в коттском — преверб d̄-, то мы можем предположить, что они восходят к одному и тому же архетипу. Не исключено, впрочем, и что они на самом деле восходят к двум разным превербам, скажем, *d- и *j-, и не имеют друг к другу никакого отношения.

Что касается *č-, то в коттском зафиксирован лишь один глагол с этим превербом (č-a-uŋaŋ 'я горю'), поэтому мы не можем со стопроцентной вероятностью отождествить его с кетским t-, югским č-.

Что касается семантики превербов, то здесь мы не чувствуем себя вправе утверждать что-либо определенное ввиду скудости материала и отсутствия достаточного количества надежных "минимальных пар" на превербные глаголы.

2.6.2. Ядра сложной глагольной словоформы.

Здесь мы намерены перечислить список тех глагольных корней, которые можно реконструировать для праенисейского в качестве ядер, что доказывает архаичность сложных глаголов.

1) Кет. -bed, кот. -pa[j] со значением 'делать'. Этот корень восстанавливается на праенисейском уровне в виде *wV[ʒ]; относительно его этимологии см. в приложении. В кетском языке этот корень образует очень большое количество производных глаголов, являясь самым продуктивным из всех ядер. В коттском он представлен в глаголах типа kithača-pajaŋ 'я плачу', šanthača-pajaŋ 'я пробую' и др.

2) Кет. -kiŋ, кот. -kīŋ со значением 'мазать, тереть'. От него образу-

ются в кетском такие глаголы, как *hit-kit* 'клеить', *tu-kit* 'мазать глиной', etc.; в коттском — *faŋō-kitaŋ* 'я вытираю', *agōkitaŋ* 'я строгаю', etc.

3) Кет. *-ted*, кот. *-ta[j]* со значением 'бить' (по-видимому, в кетском то же суффиксальное *-d*, что и в глаголе 'делать'). В кетском — очень продуктивный корень; в коттском мы имеем несколько производных глаголов, e.g. *aštā-tajaŋ* 'я бью'. Интересное соответствие обеих основ в глаголе кет. *don-ted* 'колоть ножом' — кот. *ton-thā-tajaŋ* 'я разрезаю'.

4) Кет. *-uk*, кот. *-uk* с неясным значением. В кетском глаголов, образующихся с помощью этого ядра, крайне мало, e.g. *d-taq-tibuk* 'я это поставлю'. В коттском, напротив, это самый продуктивный тип образования глаголов (от него образуется около половины всех засвидетельствованных форм). В настоящем времени корень *-uk* в коттском сливается с маркером а-спряжения и восстанавливается лишь в "пассивных" формах, а также отчасти в претерите: *šōdi-āk-ŋ* 'я работаю' — пасс. *šōdiolā?-uk-i* — прет. *šōdio-l-ōk-ŋ* (мы бы ожидали **šōdio-l-a-k-ŋ*, но претеритный гласный лабиализуется при слиянии с корнем *-uk*).

5) Кет. *-ij*, кот. *-aj/-ej/-j*. Очень продуктивный тип. Хорошее соответствие между обеими основами — кет. *d-daŋ-ij* 'я смеюсь' и кот. *šak-ā-j-aŋ* 'я смеюсь' (**žaq-ej*). Исходное значение неопределимо.

6) Кет. *-aq*, кот. *-ax*, ср. кет. *d-at-b-aq* 'я налью' — кот. *atp-ak-ŋ*. Значение неясно.

7) Кет. *-do*, кот. *-šex*. В праенисейском этот корень, по-видимому, означал "скоблить", "строгать", "тесать", etc. В кетском он представлен такими глаголами, как *d-k-a-b-do* 'я расчищаю дорогу', *d-t-a-b-do* 'я тешу', *d-d-a-b-do* 'я долблю' и др. В коттском корень представлен в глаголах *haraŋ-ō-šeaŋ* 'я обтесываю', *ičanth-ā-šeaŋ* 'я чиню', по-видимому, *oga?-a-šeaŋ* 'я убиваю' ('обрубаю?') и др.

Другие коттские и кетские ядра не так хорошо соответствуют между собой, поэтому здесь мы их приводить не будем. Однако уже и такого списка вполне достаточно для признания того факта, что сложные глаголы также восходят к праенисейскому уровню.

2.6.3. Общий вид словоформы.

Структура праенисейской глагольной словоформы, по-видимому, выглядела следующим образом: модификатор (или преверб) + показатель объекта + "подставка" (**k*, **t*) + маркер спряжения + показатель вида и времени + ядро + показатель мн. ч. + показатель субъекта (лицо,

число; дублирование множественного числа сохранилось, в частности, в коттском).

Разумеется, не все элементы данной структуры являются обязательными. Обязательным, в сущности, является только ядро и показатель вида и времени, если постулировать в настоящем времени нулевую морфему.

Такая структура сохранилась почти без изменений в коттском. В кетском она изменилась прежде всего в связи с утратой исконных показателей субъекта и появлением нового ряда личных показателей — объективного.

2.7. Заключение.

В данной статье мы обсудили не все вопросы, касающиеся глагольных характеристик енисейских языков. Так, не были упомянуты качественные глагольные характеристики (в частности, происхождение кетских способов действия), совсем не обсуждались неличные формы глагола (прежде всего инфинитив). Причина этого — отчасти недостаток места, отчасти некоторого рода вторичность этих проблем. Для реконструкции были, таким образом, отобраны лишь самые важные элементы енисейской глагольной грамматики — личные показатели, показатели времени и наклонения, "пассивная" форма и общая структура словоформы.

Резюмируя все вышеизложенное, нам хотелось бы еще раз подчеркнуть тот факт, что основное слабое место предлагаемой концепции — крайняя нехватка материала. Нет никакого сомнения в том, что если бы мы располагали хотя бы небольшим запасом различных типов парадигм аринского и пумпокольского языков или же имели возможность работать с живыми носителями коттского языка, предлагаемая реконструкция являлась бы менее гипотетичной и более привязанной к конкретным языковым фактам.

Так, устанавливая тождественность той или иной кетской и коттской морфемы, мы в очень большом количестве случаев не имеем возможности подкрепить это сопоставление соответствующими тождественными словоформами (например, тождественность коттской морфемы -š- и кетского -s- устанавливается всего на одном примере — глаголе 'догонять, достигать', см. выше). Между тем совершенно ясно, что в таких случаях тождественные словоформы не обнаруживаются не потому, что их нет вообще, а потому, что они не зафиксированы М.

А. Кастреном в коттском.

Тем не менее нужно заметить, что, несмотря на все трудности, общий вид праенисейской морфологической системы вырисовывается довольно четко. В цели данной работы не входила детальная реконструкция тех или иных особенностей глагольной морфологии, поскольку мы осознаем абсолютную невозможность такой детализации при имеющихся условиях. Так, до сих пор неясны некоторые моменты в реконструкции личных показателей, непонятно точное количество типов праенисейского спряжения, полный инвентарь превербов и др. Однако главную цель, поставленную в этой статье, — описание самых основных особенностей глагола, сведенных в некоторую единую систему, — можно считать выполненной.

Приложение

Список реконструируемых праенисейских глагольных корней

В этом списке мы учитываем только собственно глагольные корни, т. е. такие, которые способны хотя бы в одном из двух основных енисейских языков выступать в качестве ядра, поскольку модификаторы как правило представляют собой именные корни. Данный список не является исчерпывающим, так как во внимание принимаются прежде всего более или менее надежно установленные кетс-кокоттские параллели с точно зафиксированными формами.

Кетские формы (в модифицированной транскрипции) приводятся в основном по работе Крейнович 1968, частично также Вернер 1977. Коттские формы берутся из работы Castren 1858.

1. ***aq** (кет. aq, кот. ak/ax). Самостоятельно не употребляется. Ср. кет. d-at-b-aq 'я налью' — кот. at-p-ak-η, кет. d-i-a-t-s-aq 'я его освежую' — кот. thāg-āk-η (модификаторы в данном примере этимологически разные: кет. i при кот. thā).

2. ***bil** 'догонять' (кет. bil, кот. pil). Ср. кет. d-ba-s-s-ibil 'он меня догонит' — кот. tha-ča-pil-aη 'я достигну'. Хороший пример на соответствие кет. -s- коттскому -š/-č-.

3. ***čī** 'рвать' (кет. tī, кот. šī). Ср. кет. d-asη-a-tī 'я ягоды рву' — кот. d-ō-šī-aη 'я рву'. Сравнение не вполне надежное, поскольку кет. tī не зафиксировано само по себе (в простом глаголе), однако фонетически и семантически оправданное.

4. *čəq 'бежать' (кет. toq, кот. čak). Ср. кет. toq-ted 'бежать' (инфинитив) — кот. čāg-an-tha-g-āk-ŋ 'я бегу' (элемент -an- в коттском, по всей видимости, — аффикс со значением длительности действия, участвующий в образовании модификаторной основы).

5. *dam (кет. dam, кот. tam). Этот корень употребляется только во мн. ч. соответствующих парадигм. В коттском он встречается в парадигме глагола 'спать' — da-tam-an-toŋ 'мы спим', в единственном числе которой заменяется корнем -[a]t- (dāt 'он спит'). В кетском этот корень очень часто выступает в качестве ядра с неясным значением, е. g. d-ej-s-dam-in 'мы деремся', но встречается и в той же функции, что и в коттском: di-t-a-dam-in 'мы спим' (с превербом -t-; в ед. ч. заменяется корнем qut — di-t-a-qut 'я сплю').

6. *dāq 'бросать, стрелять' (кет. daq, кот. tek). Ср. кет. d-k-i-b-daq 'я это брошу' — кот. f-ō-tek-ŋ 'я стреляю'.

7. *dop 'есть, пить' (кет. dop, кот. top). Ср. кет. d-a-b-dop 'я это пью' — кот. tōr-āk-ŋ 'я ем'. Не исключено, что этот корень на самом деле является сложением двух корневых морфем — *do и *p. Первая из них представлена в таких кетских глаголах, как ul-do 'пить воду', šaj-do 'пить чай', di-u-do 'я тебя ем', вторая — в кот. ō-p-aŋ 'я пью'. Можно в таком случае предположить, что корень *dop представляет слияние двух исходных корней со значением соответственно *do 'есть' и *p 'пить'.

8. *doq 'лететь, прыгать' (кет. doq, кот. tok). Ср. кет. di-doq 'я лечу' — кот. aš-tok-ŋ 'я прыгаю'.

9. *git 'искать' (кет. git, кот. git). Ср. кет. d-i-b-git 'я это ищу' — кот. b-a-git-aŋ 'я это ищу'. Если сюда же относить сымское āt 'искать', то возможна реконструкция начального *V-G.

10. *hejVŋ 'ехать'. Ср. кет. ējeŋ 'ехать' (инфинитив) — кот. hejaŋ-āk-ŋ 'я еду'.

11. *is 'грести' (кет. ís, кот. [g]-ič). Ср. кет. ís 'грести' (инфинитив) — кот. da-g-ič-aŋ 'я гребу'. Коттское -g-, по всей видимости, является эпентетическим.

12. *kit 'мазать'. См. 2.6.2.

13. *pan 'сидеть' (кет. hən, кот. pan). Ср. кет. d-k-a-di-hən 'я сажу' — кот. i-g-pan-aŋ 'я сажу'.

14. *poʔot 'ждать' (кет. [сым.] fōt, кот. fot). Ср. сым. di-fot 'я жду' — кот. b-a-fōt-aŋ 'я жду это'.

15. *pVʔV 'вить' (кет. ǝ, сым. fǝ, кот. fu). Ср. кет. di-b-ǝ 'я это вью',

кот. *ō-fuj-aŋ* 'я вью' (-j- в коттском, по-видимому, эпентетическое).

16. ***qɔ** 'умирать' (кет. *qo*, кот. *xa*). Ср. кет. *dī-j-qo* 'я умираю' — кот. *dí-a-xaj-aŋ* 'я умираю'.

17. ***saGar** 'ночевать' (кет. *sāl* < **sakal*, кот. *čagal*). Ср. кет. *bak-i-s-sāl* 'я переночую' — кот. *ha-čagal-aŋ* 'я переночую'.

18. ***siʔ** 'одеваться' (кет. *s*, кот. *ši*). Ср. кет. *dī-dī-s* 'я оденусь' — кот. *dí-a-ši-aŋ* 'я наряжаюсь' (с превербом *dí*).

19. ***soq** 'входить' (кет. *soq*, кот. *čok*). В кетском употребляется в качестве ядра: *d-qa-soq* 'я войду' (букв. 'внутри войду'). Кот. *dí-ä-čok-ŋ* 'я войду'.

20. ***ta-** 'вставать' (кет. *tas*, кот. *ta-j-*). Конечное -s в кетском, по-видимому, суффиксальное. См. 2.6.1.

21. ***tän** 'ложиться' (кет. *-tn*, кот. *ten*). Ср. кет. *d-t-a-dī-tn* 'я лягу спать' (корейф. объектив) — кот. *i-tēn-aŋ* 'я ложусь'. В кетском корень не встречается самостоятельно. Ср. также кет. *dī-dī-tn* 'я спрячусь' (букв. 'зайгу').

22. ***te[ʒ]** 'бить' (кет. *ted*, кот. *-taj*, *-thi*). Конечный согласный этого корня может восстанавливаться в виде *ʒ* в том случае, если коттское -j- является не эпентетическим. В противном случае мы вынуждены считать кетское -d суффиксальным, что представляется крайне маловероятным, поскольку такой суффикс мы можем выделить еще только в одном глаголе (в весьма сходном случае, см. 27). В коттском существует два варианта этого корня — *taj* (ср. *aš-thātaj-aŋ* 'я бью') и *thi* (ср. *ā-thi-aŋ* 'я бью'), несомненно, связанные друг с другом. По-видимому, мы имеем дело с определенным ослаблением корня (редукцией), в результате которой сонант *j* принимает на себя слогаобразующую функцию.

23. ***əqan** 'варить' (кет. *ən*, кот. *ugan*). Ср. кет. *d-ən-i-bed* 'я варю' — кот. *a-ugan-aŋ* 'я варю'.

24. ***uk** 'делать?'. См. 2.6.2.

25. ***uŋ** 'видеть' (кет. *uŋ*, кот. *uŋ*). Ср. кет. *dī-t-uŋ* 'я вижу' — кот. *th-ā-ŋ-aŋ* 'я вижу' (корневой гласный в коттском восстанавливается в претерите *th-o-l-ōŋ-aŋ*). Формы образуются при помощи одного и того же преверба *t.

26. ***ut** 'сосать' (кет. *ut*, кот. *ut*). Ср. кет. *d-mam-s-ut* 'я грудь сосу' — кот. *b-a-ūt-aŋ* 'я сосу'.

27. ***we[ʒ]** 'делать' (кет. *bed*, кот. *-raj*, *-pi*). См. 2.6.2, а также 21.

28. ***wək** 'находить' (кет. *bək*, кот. *puk*). Ср. кет. *dī-b-bək* 'я это най-

ду' — кот. b-a-ruk-ŋ 'я это найду'.

29. *wVχV 'тянуть' (кет. bək, кот. ru-j-). Сближение предложено К. Решетниковым; при условии двусложности корня оно приемлемо (ср. котт. инфинитив ŋi-ru 'тянуть' — при конечном увулярном ожидалось бы *ŋi-ruk). Ср. кет. di-b-bək 'я это тяну' — кот. b-a-ruj-aŋ 'я это тяну'.

30. *χipe 'торговать' (кет. qa, кот. hap[i]). Ср. кет. di-j-aqa 'я торгую' (нерегулярная парадигма с переносом показателя кореферентного объектива 3-его л. на 1-ое) — кот. hap-th-āk-ŋ 'я торгую'. Конечное -p реконструируется на основании коттского -pi в том случае, если оно не является суффиксальным; в противном случае корень должен реконструироваться в виде *qə.

31. *žām 'лаять' (кет. [сым.] dām, кот. čam). Ср. сым. di-dam 'я лаю' — кот. d-a-čam-aŋ 'я лаю'.

32. *žan 'мять' (кет. dan, кот. čen). Ср. кет. di-b-dan 'я это мну' — кот. b-a-čen-aŋ 'я это тру'.

33. *žen 'плакать' (кет. den, кот. čen). Ср. кет. di-den 'я плачу' — кот. d-ä-čen-aŋ 'я плачу'.

34. *žeχV 'строгать, тесать, равнять' (кет. do, кот. čex). Употребляется в качестве ядра. См. 2.6.2.

35. *žəkŋ 'стоять' (кет. doŋ, кот. čakŋ). Ср. кет. k-i-b-doŋ 'стоит' (о лодке на воде) — кот. d-a-čakŋ-aŋ 'я стою'.

Список литературы

Вернер 1977 — Вернер Г. К. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам. — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1977.

Вернер 1980 — Вернер Г. К. Акцентуация глагольных парадигм сымских кетов (югов). — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1980.

Вернер 1990 — Вернер Г. К. Коттский язык. — Ростов-на-Дону, 1990.

Гайер 1980 — Гайер Р. С. О значении видо-временных показателей л, н в глаголе кетского языка. — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1980.

Дульзон 1968 — Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.

Кастрен 1858 — Castren M. A. Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. St.-Petersburg, 1858.

Крейнович 1968 — Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.

Старостин 1982 — *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. — В кн.: Кетский сб. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. М., 1982.

Топоров 1968 — *Топоров В. Н.* Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков. Аринско-енисейские соответствия. — В кн.: Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.